МАЙНА

Киргизскій султанъ Каипъ былъ нѣкогда призванъ на ханство хивинское. Почетъ большой, честь велика, отказываться, казалось, не должно; да и для чего? Чѣмъ жить въ степи пастухомъ, жить въ подвижной палаткѣ зиму и лѣто, въ вёдрои въ ненастье, неужели не лучше сѣсть на коверъ въ палатахъ хивинскаго арка, дворца, хоть онъ и земляной или глиняный, и сидѣть спокойно дома, повелѣвая безотчетно и безотвѣтно.

Каипъ пошелъ на ханство и сталъ самовластнымъ ханомъ; всѣ прихоти его исполнялись раболѣпно, и не было приказанія ханскаго, надъ которымъ бы Мяхтеръ, Кушъ–беги, не только ясаулы его, на мигъ призадумались. Но когда, черезъ полтора года по вступленіи султана Каипа на ханство, стрѣлокъ–землякъ хана, принесъ ему *тарту*, гостинецъ, убитаго лебедя, тогда ханъ погладилъ себя широкою холодною лапою птицы этой по лицу, покачалъ головою и сказалъ: «Эта лапа купалась свободно въ

рѣка хъи озера хвольной родины моей, топта лаура вулуговую и песокъ сыпучій!» Хивинцы изъ этого заключили, что чуть ли ханъне хочетъ ихъ покинуть, и стали его стеречь; но Каипавъ тотъ же вечеръ одолѣла та кая грусть и тоска, что онъ бѣжалъ въ лохмотьяхъ нищаго, съ опасностію жизни пробирался пустынями до аулъ своего рода, едва не истомился голодомъ и жаждою, и плакалъ какъ дитя, когда прикочевалъ опять въ родныя степи свои, на просторъ, гдѣ ничто не замыкало передъ нимъ окраины неба и земли, гдѣ услышалъ снова рычаніе верблюдовъ, мычаніе быковъ, блеяніе несмѣтныхъ стадъ овецъ и ржаніе конскій топотъ.

«За что я буду жить хуже скота своего», говоритъ какой-то, если вы его спросите, для чего онъ не терпитъ осѣдлости; «за чѣмъ мнѣ жить хуже скота, которому больше воли, чѣмъ мнѣ? Развѣ я отдамъ любимаго коня своего урусу на конюшню, въ стойло? Развѣ я хуже птицы, которая бьется и въ золотой клѣткѣ, и проситъ воли? Кто приросъ домомъ къ землѣ, тотъ рабъ земли и рабъ

людей; кто въ полча саможетъ подняться, днемъ и ночью, со всѣмъ домомъ, добромъ и пожитка ми своими, и идти на всѣ четыре стороны, тотъ воленъ.»

Осѣдлую жизнь ка йса кнпочита етъ велича йшимъ бѣдствіемъ въ мірѣ; и одна толькокра йностможетъ, и то временно, его къ тому принудить. Если нынѣ ста линого сѣять хлѣба на Илекѣ и на Сырѣ, то это дока зыва еятснѣе всего, что орда бѣднѣетъ; здѣсь хлѣбъ сѣетъ только пѣшій, безконный и нищій; а на мѣнявши опять сотню головъ скота б роса етсяохуи идетъ кочева тнКогда ка коенибудь бѣдствіе ра зоритъка йса ка, лишитъ всего скота и сдѣла етъ нищимъ, тогда онъ идетъ на Усть–Урстаъ йвта чники, или черезъ Мугоджа рыкъ линіи на шейвъ сурочники, и перебива етсяиногда много лѣтъ, покуда за ра бота ссебѣ небольшое ста дот; только ближніе къ линіи пріуча ются на нима ться къ навтмра ботники; ста рики и ребятишки охотнѣе идутъ въ городъ за пода яніемъ и поютъ подъ окна ми:

Руби дрова безъ топоръ,
Ва ри крупа безъ котелъ;

Хлеба й каша безъ ложка,
Да ва й деньга немножка —

И прибавляютъ обыкновенно еще къ этому пословицу чевной и не совсѣмъ умѣстное для мусульманина: Христа-ради!

Сайгачники ловятъ съ неутомимымъ старанiемъ и йгиль мѣняютъ мясо ихъ, семь, восемь, десять тушекъ на баранта; кимъ образомъ снова обзаводятся стадомъ и прикочевываютъ опять къ своимъ ауламъ. Сурочники питаются сами нежнымъ мясомъ сурка, а шкуры его мѣняютъ земляка мъ своимъ или продаютъ на линiю. «Коли платить мнѣ подать», говоритъ казакъ, возьми съ меня сороковину скотомъ и я воленъ; я заплачу подъ Троицкомъ и пойду къ Бохарѣ; заплачу въ Кендѣи прикочую къ Семипалатинску, тогда мы то слѣдуетъ въ Хивѣ, а на мѣну пойду въ Сарайчикъ». Деньги для степнаго дика ряцѣны не имѣютъ никакой цѣны; скотъ его богатство, скотъ свой онъ прiобрѣтаетъ все, что ему нужно. Когда продавали на ждны въ степи казенныхъ верблюдовъ, съ молотка, то въ торговомъ листѣ, вмѣсто извѣстныхъ двухъ графъ:

рубли и копейки, были выставлены *козы* и *овцы*, козлы да бараны. Кто знается съ деньгами», говорятъ киргизы, «кто взялъ въ руки деньги, тотъ купленъ за барана, тотъ себя продалъ».

Я сказалъ уже, что кайсаки начинаютъ сильно заниматься хлѣбопашествомъ на Илекѣ, на Сырѣ и въ другихъ мѣстахъ. Этому двѣ причины: обѣднѣвшіе черезъ взаимные набѣги, отъ гибельной зимы съ мокрыми буранами, жестокой стужи, отъ гололедицы и безкормицы, не находятъ другаго убѣжища; но, во вторыхъ, кайсакамъ нашимъ становится уже тѣсно. Кайсаковъ оренбургскаго вѣдомства, Малой половины Средней орды, должно быть, по всѣмъ свѣдѣніямъ, болѣе милліона душъ обоего пола; бы скажа за лѣвъ глянитенакарту, если бы у насъ была годная на карта тихъ странъ, вы бы увѣрились, что за выключкой безводныхъ, сухоглинистыхъ пространствъ, въ коихъ и самыя копани дадутъ только горькую воду, безводныхъ песковъ, сухихъ и мокрыхъ солончаковъ, останется удобной для скотоводства — не говорю уже для

хлѣбопашества земли, не въ избыткѣ. Кормъ та когрода ка къна шалугова яра ва, на ше сѣно, быва етъ почти только у сѣверныхъ предѣловъ степи, гдѣ по видимому почва уже не та къ молода и успѣла покрыться небольшимъ слоемъ тука; да лѣе видите одинъ только жесткій ковыль, а еще южнѣе солянки и собственно та къ на зыва емое степное прозябеніе, то-есть, не тра ву, а бурьянъ, лукусты, большею ча стію двухгодичные, кормъ, на дъ которымъ на ша изба лова нна тоя ша дьи скотина издохнетъ прежде, чѣмъ пойметъ, что этимъ хворостомъ можно пита ться.

Повѣсть на ша происходила въ Ма лой Ордѣ, кочующей по южному и за па дному простра нствустепи, хотя предѣлы эти обозна чить довольно трудно. Орда эта са ма я многочисленна я. Въ ней счита ется три рода (уру) или поколѣнія: Ба йуллы (или Ба й-углы; бога тыйсынъ), Алимолла, и та къ на зыва емые Семиродцы; роды дѣлятся на отдѣленія (та ифэ), дробятся на подотдѣленія (джа мъ), коихъ на берется въ одной Ма лой Ордѣ едва лише до трехъ сотъ. На зва ніяхъ

иногда взяты отъ собственныхъ имянъ какихъ нибудь родоначальниковъ, какъ напр. Гассанъ, Куламанъ, Карамань, Каипъ, Тукумбетъ; иногда отъ разныхъ предметовъ или понятій, какъ: Пеглюанъ — сила чъ; Кара — саканъ черная борода; Сарыбашъ — желтая голова; Алтыбашъ — шесть головъ; Кара — балыкъ черная рыба; Казъ — гусь; Балта — топоръ; Акча — деньги; Кркъ — мултукъ — 40 ружей; Тюряляръ — господа, дворяне; Ата лыкъ — наместникъ; Тугузъ — девять; Исянъ — кильды — добро пожаловать, и пр. Есть племена: бусурманы и кумызъ. Иногда же названія эти взяты отъ странныхъ на родачто довольно странно, если не допустить, что какъ бы зовалисьъ смѣшенія разныхъ племенъ и народовъ, какъ найдете поколѣнія: Кыргызъ, Урусъ (Русской), Ишгякъ (Остякъ, такъ впрочемъ Азіатцы называютъ башкировъ); туркменъ, чаудуръ (это же названіе носитъ обширное Туркменское поколѣніе); черкесъ, мугалъ (монголъ); и наконецъ Кибчакъ, Тибетъ, Китай, Туркестанъ. Алачъ — хаганъ, слова мъ какъ бы общій предокъ ихъ, и это же

общій ура нъ или военный кличъ. Крича тъ они иногда при на па деніяхъ на кже *ура*, съ полугла снымъ, едва внятнымъ *а* на экстонцѣ; слово та та рское, повелительное на клоненіе гла гола урма къ — бить: бей. Очень за мѣча тельно, что нѣкоторыя поколѣнія отлича ются не только особымъ произношеніемъ, но и обра зова ніемъ лица.

Если вы спросите ка йса на холодно ли зимой въ войлочной кибиткѣ? онъ отвѣтитъ ва мъ спросите гуся, не зябнутъ ли у него ноги? За говорите ему о удобства хозсѣдлой жизни, и онъ ва мъ ска жетъ: у то во мудереву хорошо ростивъ ха нскомъ ка дуда я не да мъ за копа стебя живьемъ по поясъ, хоть бы и зна лъ, что ноги у меня корни пустя тъ, руки сучья. Бога тому всюду хорошо, а бѣдному вездѣ худо; бѣда бѣдна гота, что покуда жирный исхуда етъ, худа гочортъ возметъ. Ска житеему, что грѣшно жить тунеядцемъ, что на добнора бота тъ нъ ва мъ отвѣтитъ: нужда придетъ, ра ботане уйдетъ: на голодна гко коня тра вывъ полѣ много, на долгуютвоюра боту дней у Бога много.

Удивительно, до какой степени расходятся понятія дикарей, не видавшихъ никогда на шегообразжизни, съ нашими понятіями. Степнойка йсахотѣлъподарить чѣмъ нибудь оренбургскагостя своего и предложилъ ему кибитку. Этотъ отказался, сказавшто онъ живетъ въ городѣ, въ домѣ. «И на лѣто не ставишь кибитки?» — Нѣтъ, не ставлю. — «А изъ дому въ домъ перебираешься иногда?» — Случается. — «Ну такъ возьми верблюда у меня, чтобъ было на чемъ перетаскивать». Одинъ дикарь, завезенный первый разъ въ городуслучайно въ Орскъ, хотѣлъ, забывшись, выглянуть изъ окна во время разговора, но, бодалъ стекло и разрѣзалъ себѣ лицо. Испугъ его превосходилъ всякое описаніе. Когда одинъ заживочный армянинъ въ Бухарѣ вздумалъ вставить въ дверь свою, въ Каравань-сараѣ вывезенное изъ Россіи небольшое стекольчатое окно, то не могъ его никоимъ образомъ уберечь и защитить отъ разныхъ пробъ и испытаній любопытной толпы, тѣснившейся непрестанно у дверей, и окно было нѣсколько разъ выбито, отъ глупости и

любопытства; армянинъ сдѣлалъ опять глухую дверь. Киргизки обступили заѣзжаго въ глубокую степь русскаго попутника и, ощупывая его со всѣхъ сторонъ, спросили съ хохотомъ: для чего на немъ такой узкій панъ, который спереди не сходится, колѣнъ не закрываетъ, а дихвостомъ и не даетъ свободно поднять руки? Онъ отвѣчалъ, чтобъ меньше сукна пошло. Баба хохотала во все горло: дура кивы, дура ки! кибитки, которыя на добнфа збиваютъ только на сутки, строите каменныя, будто въ нихъ вѣкъ вѣковать, а платье, въ которомъ на добно ходить безсмѣнно каждый день, шьете узенькое! Одинъ бабкиръ, на глядѣвшись уже болѣе на бытъ на шь, выразился осторожнѣе и только условно: либо русскій человѣкъ больно уменъ, либо больно дуракъ; у насъ одна лошадь та щитъ четырехъ бабъ, четыре лошади та щатъ одну бабу!

Итакъ вотъ на родъ изъ частной жизни коего я хочу разсказать заистинное и свѣжее происшествіе. На родъ этотъ, при всей грубости своего невѣжества и черствости души или сердца, по нашему обращу чувствъ

и мыслей, не лишенъ природою ни того, ни друга го — ни чувствъ ни мыслей. Послы или выборные этого народка за лице очень не да вно, по случаю ювра жды двухъ смежныхъ съ нимъ и грозныхъ для него государствъ, — послы эти ска за ли: Мы рады покориться сяи са мии щемъ за щиты; но да йте на мъ отца, который бы не только косѣкъ ша ловливо сидитя свое, а укрыва лъ бы его та кже отъ обидъ и на силій; на мъ съ двухъ сторонъ грозятъ плетью, и ма ты ма чихадержа тъ розгу на готовѣ — а сосцане пода ет ти одна его мы не видимъ!»

Въ слова хъ этихъ есть и мысль и чувство, есть болѣе мысли и чувства, чѣмъ вы на йдетъ во всей осѣдлой Средней Азіи. Та мъ одно ха нжество, изувѣрство, скрытность, за коснѣлое невѣжество и хитрость; здѣсь природа еще всему господинъ, и только одна нужда и обстоятельства обра ща ютъ иногда человѣка въ скота.

Чумекейцы, прина длежа щіе къ роду Алимолла и состоящіе изъ 40 слишкомъ подотдѣленій, кочуютъ по р. Кува ну, Сыру, доходятъ лѣтомъ на сѣверъ до Иргиза и

да лѣ, держа сь вообще ка ра ва нныхъ путей, потому что они за вла дѣли ла внѣйшею ча стію извозна го промысла, между оренбургскою линіей, Хивой и Боха ройи, весь бытъ ихъ, съ да внихъ временъ, согла суется съ этимъ родомъ жизни. Ча сть ихъ зимуетъ на рѣкѣ За ревша нѣ, подъ Боха ройа, лѣтуетъ подъ Троицкомъ — переходя ежегодно два ра запростра нствомъ 1500 верстъ. У нихъ немного большихъ кибитокъ, а кочуютъ они въ юлла ма хъ, дорожныхъ ма ленькихъ и легонькихъ кибитка хъ, легко укла дыва ющихся на одного верблюда; они держа тъ ма ло овецъ и лоша дей, а болѣе верблюдовъ; подыма ются легко и скоро, идутъ ходко и, получа яла ту за извозъ серебромъ и золотомъ, зна чѣютъ его, но доселѣ не приняли отъ на съеще ника кихъ предметовъ роскоши, за исключеніемъ *на збой*, что зна читъ по персидски: носова яища, и что линѣйца ми очень уда чно передѣла новъ *носовой* и озна ча етъ нюха тельный та ба къ.

Чумекейцы, поколѣнія На урузба йво, время лѣтней кочевки между Илека и

Темира, сошлись съ баюлинцами, съ поколѣніемъ Каныкъ отдѣленія Байбакты. Историкъ или сказочникъ Абулгазы Багадуръ-Хан пишетъ, что прозваніе Каныкъ да но было во времена Чингиса или Тамерлана — не помню — первымъ изобрѣтателямъ телегъ; телеги эти изобрѣтены были воинами для укладки награбленнаго имущества; скрыпъ ихъ уподоблялся звуку: *ка ныкъ*, изобрѣтателямъ да но это звукоподражательное прозваніе *), отъ ихъ поколѣнія произошелъ какой-то родъ Каныкъ. Если наши баюлинцы потомки этого знаменитаго механика, что весьма вѣроятно, потому что мы другаго рода *Каныкъ* не знаемъ, то родословное древо этихъ изобрѣтателей телегъ длиннѣе дышла и оглоблиц, родъ ихъ не уступитъ въ древности ни одному роду нѣмецкихъ баронов.

Чумекейцы тянулись вверхъ по Илеку, на мѣну; баюлинцы внизъ по Темиру, съ мѣны. При этой ежегодной встрѣчѣ, тѣ и другіе навѣщали пріятелей своихъ,

*) çÂ ÓÚ˙ ˜ÚÓ„Ó ÎË Ô ÓËÒ‰Ó‰ËÚ˙ Ì‡¯Â ÛÒÒÎÓÂ *Í‡Ì˙˜ËÚ„*, Í‡Í˙ ,¨ ÓfIÚÌÓ *Ú‡Ú‡Í‡Ú„* ÓÚ˙ Ú‡Ú‡ ËÌ‡, *Í‡Á‡Í‡Ú„* ÓÚ˙ Ú‡Ú‡ ÒÍ‡„Ó: *Í‡Á˙*, „ÛÒ„?

ра змѣнива лисьновостями и проща лись опять на годъ. Тутъ отцы условлива лись съ отца ми взаимной участидѣтей своихъ, выпла чива одинъ другому мимоходомъ по уговору частькалымаили по русски: кладки, которая еще и донынѣ употребительна въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи, и уплачивается отцомъ жениха родителямъ невѣсты. Тутмолодые видѣлись нѣсколько лѣтъ сряду, прежде чѣмъ на конецъ калымъ былъ уплаченъ сполна и свадьба съиграна. Какъ исключительно охотно берутъ невѣстъ изъ своихъ аулъ, цѣнятъ тѣмъ, что за свадѣбку въ другомъ и отдаленномъ поколѣніи, и никогда не женятся вскорѣ послѣ помолвки, тѣмъ болѣе, что не рѣдко сговариваютъ дѣвокъ еще дѣтьми.

Между баталинцами былъ старикъ Сакалбай и у него четыре сына — Полковникъ, Маіоръ, Капитанъ и Поручикъ. Я называю всѣхъ ихъ по именамъ — это не чины, а имена ихъ — только по странности именъ сихъ, которыя давны были въ честь русскихъ чиновъ. Разсказчикъ сегодня остается одинъ только Маіоръ. Отецъ его Сакалбай

велѣлъ сѣдла ть коня, когда вѣсть о
прикочева нія чумекейцевъ дошла на Темиръ;
мла дша я жена его подвела ему коня,
подса дила его подъ мышку на сѣдло, и онъ,
съ двумя или тремя това рища ми съ
Ма іоромъ отпра вился къ чумекейца мъ къ
да внишнему пріятелю своему Ка ра – са ка лъ –
ба тырю. День былъ теплый, но вершники
на ши на хлобучили корсучьи ма ла ха и
(тума къ), подъ а лымъ и синимъ сукномъ, съ
га луна ми ша мъ, на дѣли сверхъ ха ла та
суконному ча па ну второчили въ за па то
ярга ку, изъ жеребячьихъ шкуръ; лоша ди
пошли съ мѣста ходою. Са ка лбаѣ ха лъ
впереди, оборотившись ка къ ма гнитна я
стрѣлка на урочище, гдѣ стояли а улы
чумекейцевъ, повѣсилъ носъ, пока чива я
слегка головою, по ходу коня; и спустивъ
длинный рука въ ча па на о все кнутовище
на га йки вой, постегива лъ за думавшись
плетью на бивны е ребенки сѣдла. Лоша дь не
счита ла то угрозой, не бояла сь видимому
плети, а выступа ла ходко, полуша гомъ и
полуиноходью, удержива я постоянно да нное
ей сна ча ла на пра вленіе.

Ма іоръ ѣха лъ молча подлѣ отца и дяди, подогнувши одну лопа стка ла хвостъ ту лью, между тѣмъ ка къ друга я болта ла и встрепа ла его по щекѣ; почернѣвша я отъ лѣтняго за га ру грудь была обна жена клиномъ, почти до са ма пояса пра ва ря ука болта ла осо вѣсно, ка къ привѣша нна къ плечу, а са мъ онъ, то поглядыва лъ на вычека ненное серебромъ пра во е стремя свое, то глядѣлъ прямо впередъ себя — и вдругъ соскочилъ, покинувъ лоша дь, котора я оста новила ся въ ту же минуту и ста ла щипа ть тра ву, побѣжа лъ въ сторону и уда рилъ нѣсколько ра зъ ка блукомъ въ землю.

«Что та мъ та кое?» спросилъ Са ка лба й.

— Зила нъ, змѣя, — отвѣча лъ Ма іоръ, подошедши къ лоша ди, котора я стояла на одномъ мѣстѣ ка къ вкопа на я, и сѣлъ, подвернувъ подъ себя на лету рукою полы ча па на.

«Никогда не топчи ее нога ми, » ска за лъ отецъ, «и ни чѣмъ больше не бей ее, ка къ плетью. Ты зна ешь, змѣя боится лоша дина го поту и ни чѣмъ не убьешь ее лучше ка къ на га йкой. Ты слыша лъ былъ, что въ

ста ринныеродыба тырба шкирскій,Клянча, убилъ не та кую га дину, а огромна го, крыла та гозмѣя? Онъ побѣдилъ его, на поивши са блюсвоюлоша динымъ потомъ.»

Дядя, который уже нѣсколько ра зъ поглядыва лнутемъ на Ма іорака, къбудто бы хотѣлъсъ нимъ за говорити, сидѣлъ на коротенькихъ стремена хъ бочкомъ, пода вшись всею лѣвою половиной тѣла впередъ, вслѣдъ за протянутою къ поводу лѣвою рукою, — дядя приподнялъ зна чительноуглова тыброви и ска за лъ, чуть за мѣтноюулыбкой: «На э той поѣздкѣ, бра тъ,ебѣ бы на йти *Ша мра на*, ряямѣй, та къ э то было бы кста ти.»

Са ка лба й испустилъ ка кой-то одобрительный возгла сти морщины отъ широкихъ выда вшихся скулъ собра лись, сбѣга ясвъ двѣ связки по обѣ сторонырта его — что та кжеозна ча улыбку — а сынъ, Ма іоръ, спросилъ, догна въ рысью опередившихъ его попутчиковъ: «Ца ряямѣй? а мнѣ на что его?»

— Ша мра нъ, — ска за лъ дядя зна чительно поглядыва яизподлобья на племянника, —

ша мра нтебольша бѣла змѣя, не длиннѣе плети твоей, съ рожкомъ на головѣ. Если встрѣтишь ее, та къра зстели передъ нею новый пла токъи прочита ймолитву: она переползетъ черезъ пла токъ и скинетъ рожокъ свой, а ты возьми его бережно и спрячь. Гдѣ онъ лежитъ, всегда будетъ золото и серебро, и бога тъ будешь на весь свѣтъ; а на скотину па дежа никогда не будетъ; хоть ка ка ни будь гибельна зима, твои овцы всегда цѣлы. А теперь же подходитъ для тебя та ко евремя, что скоро нужно бога тство, скоро пора за жить тебѣ своимъ домомъ: гляди, проведи – карукой, у тебя къ за втра му ника къ уже и борода будетъ.

«Не да ромъ же у него отецъ Са ка лба й», ска за лъ мыслова сто мъ ста рикъ отецъ, то есть: бога то бородый, доста вр рожокъ свой изъ ка лты, покинулъ поводья, на сыпа лъ та ба нка ула доны, подкрѣпившись добрыми тремя на пойка ми, продолжа лъ, оборотясь къ сыну: «Дядя твой умный человѣкъ, говоритъ пра вду; вотъ къ полудню пріѣдемъ, да стъ Богъ, къ чуме кейца мъ къ, доброму пріятелю моему Ка ра са ка ту, къ оглянись по

маленьку, покуда мой дядей потолкуетъ со стариномъ, мы поѣхали тамъ тебя дочь его, Майну.»

—На что же вы меня повезли съ собою? сказалъ Маіоръ робко, удерживая коня своего. —Что же я тамъ стала дѣлать? Мнѣ тамъ будетъ стыдно!

«Ничего, пустяки», утѣшалъ его дядя, стегнувъ черезъ руку плетью коня племянника, чтобы подогнать его; «ты какъ будто и не знаешь ничего; тебѣ какая нужда? ты пріѣхалъ съ отцемъ и дядей въ гости, да и только.»

Но Маіоръ увѣрялъ, что ему стыдно будетъ, что онъ не можетъ ѣхать съ мысавствомъ свое, и не шутя остановился.

Отецъ хотѣлъ было сердиться, но дядя упросилъ его ѣхать спокойно впередъ, а самъ, съ другимъ товарищемъ своимъ, пустили Маіора впередъ себя и усердно погоняли сзади его. Такимъ образомъ поѣздъ подвигался впередъ. Но когда черезъ нѣсколько времени аулы чумекейцевъ открылись изъ-за липъ степнымъ уваломъ Илека, и Сакалбаскій заметъ и пріѣхали —то

Ма іорудо того ста лостыдно, что онъ, за крича вдругъ: «нѣтъ, не поѣду, ни за что не поѣду!» стегнулъ коня плетью, пригнулся на луку и пустился, вырва вшись изъ подъ конвоя, во весь духъ домой. Отецъ горла нилъ ему вслѣдъ, дядя съ това рищемъ пустились было въ погоню, но Ма іоръ уска ка лки, тѣ воротились со смѣхомъ и доса дой, ра нили его и бра нили отца, за чѣмъ ка зна слы ну, чего совсѣмъ не слѣдова ло говорить, и этимъ только пристыдилъ его.

Бѣгство стыдлива жениха не помѣша ло отцу и дядѣ кончить дѣло. Когда гости подъѣха ли къ кибиткѣ Ка ра са ка лъ-ба тыря молодые па рни тутъ бывшіе увидѣли, что ста рики, хорошо одѣтые, пріѣха ли въ гости, то подскочивъ неуклюжимъ, ра зма шистымъ бѣгомъ, подхва тили ихъ подъ руки, ка къ у на съ ба рынь выса жива ютъ изъ ка реты, приняли коней и подтянувъ имъ головы подъ шеи, на мота ли поводъ на переднюю луку сѣдла, чтобы лоша ди выстояли сь и не смѣли бы ѣсть тра ву.

Ка ра са ка лъ-ба принялъ гостей своихъ, поздорова вшись съ ними рука въ

руку и въ два пріема къ сердцу, какъ будто примѣрива лъ что нибудь на а ршинъ, поса дилъ ихъ въ глубь кибитки, противу дверей; между тѣмъ хозяйка уда рила уже веслообра зною съ рѣзной и ра списной рукоятью, мутовкой въ са бу, кожа ный мѣхъ, на полненный кумызомъ, и на лила три огромныя миски; потомъ пошла бесѣда. Чумекеецъ ра зска зывал о, что зима на рѣкѣ Кува нѣ была бла года тна ска, тъ живъ и здоровъ; что въ Боха рѣда ютъ по полтора ба тма на проса за ба ранча, а ки тора за ходили на чиклинцевъ и угна лимного скота; что пра вительТа шкенда требуетъ пошлину съ ка мышева моста и съ па рома, которые устроены однородца ми Ка ра са ка ла, чумекейца ми, черезъ рѣку Сыръ. Са ка лба й жа лова лся на мокрые бура ны, вьюги, которыя были на весну по нижнеура льской линіи, отъ Са ха рной до Мергенева; этимъ бура ном на бива ет мокрый снѣгъ въ руно овецъ, и если послѣ вдругъ уда ритъ морозъ, то овцы гибнутъ; хва лился, что прошлую осень они при линіи на били множество корсука, степной лисы, который ва лилъ

ва ломъ, кочева лъ тысяча мина сѣверъ и за рыва лся только на день въ небольшія норки, за бива ясь уда по два и по три*); что ба ра нина мѣнѣ вздорожа ли, да югъ за годова ла по 8-ми пудовъ муки и по пяти па пушь та ба ку и — прочее. На конецъ подъ вечеръ, когда хозяинъ уже на кормилъ гостей своихъ ба ра ниной и отва ромъ съ небольшими въ немъ мучными лепешечка ми, и на поилъ

*) Эта перекочевка звѣрь-яиные годы дѣло очень за мѣча тельное, на него, ка жется, ма ло обра ща ли внима нія; я не говорю здѣсь о тягѣ и перелетѣ птицы по времена мно года о, переходѣ сибирска го леня, степной са йга и ку ла на (дикой лоша ди), та кже по времена мно года, постоянно съ одного мѣста на другое; но ра зныя жив ные годы, безъ всякой видимой причины, являются вдругъ въ огромномъ количествѣ и тянутся постоянно по принятому на пра вленію дни, недѣли и мѣсяцы сряду. Та кимъ обра зомъ въ 1826 году шли ра ки изъ Ильменя въ Ла дожское озеро р. Волховымъ; день и ночь ва лили они несмѣтнымъ множествомъ, на ночь выходили да жена берегъ, та къ что солда ты на бира ли ихъ четвертями, и на ча льство ялось вредныхъ послѣдствій, болѣзней, отъ э того множества ра ковъ и за преща ли ихъ ловить; та къ въ 1820 году бѣлка, векша, шла огромными ста ями съ пра ва го берега Волхова на лѣвый, въ Новгородской губерніи; она столпила сь на пра вомъ берегу въ несмѣтномъ множествѣ, ее били па лка ми, ловили рука ми; потомъ пока за ла на лѣвомъ берегу, пошла да льше, а въ прежнихъ мѣста хъ почти исчезла вовсе. Та къ въ 1836-мъ или 37-мъ г. корсукъ осенью вдругъ двинулся изъ южныхъ предѣловъ степи ка йса цкой сѣверъ; киргизы преслѣдова ли его, били сотнями и тысяча ми, днемъ въ нора хъ, лѣтняя стра жа б, а шкиры, встрѣтили его на линіи, и били безъ поща ды — онъ все та ки ва лилъ свои мъ путемъ и потомъ вдругъ скрылся, не пода вшись да лекова линію. Былъ ли онъ уничтоженъ, или ра зсыпа лся принялъ другое на пра вленіе, не могу рѣшить.

кумызомъ до сыта, дядя принялъ слово за
Ма іора, между тѣмъ ка къ отецъ его сидѣлъ
чинно, потупивъ гла за, вздыха я ятъ времени
до времени и погла жива я ѣденькую сѣдую
бородку. На дувшись и принявъ ва жную
оса нку, дядя ска за лъ прена пышенное
похва льное слово хозяину, Ка ра са каилу,
бра ту своему. Са ка лба ю, превозносилъ
дружбу ихъ, за житочность, добрую сла ву;
за ключилъ изъ этого, что и дѣти ихъ должны
быть имъ подобны и другъ друга достойны;
потомъ ста лъ на считыва ть лымъ, который
бра тъ на мѣренъ, да тъ за невѣсту, ста ра ясь
обыча ю умножить ра зными уловка ми счетъ
головъ, въ первый годъ, говорилъ онъ, бра тъ
да стъ десять овецъ ягненныхъ и двухъ козъ —
24 головы: та мъ трехъ жеребыхъ кобылъ —
тридца ть, та къ да лѣе. Ка ра са ка лъ — ба тыр
слуша лъ очень спокойно, подда кива я ятъ
времени до времени головою, и на конецъ
за мѣтилъ, что на третій, послѣдній годъ,
слѣдова лъ бы отда ть верблюда, и просилъ
кромѣ того не требова ть съ него, ка къ съ
походна го юмекейца б, большой кибитки для
молодыхъ, а обѣща лъ вмѣсто этого подара рить

боха рскій веръ. Толкова ли долго, на конецъ уда рили по рука мъ и за пили кумызомъ. Ка ра са ка зна лъ всѣхъ своихъ — а ул его состоялъ изъ шести родственныхъ кибитокъ — и объявилъ имъ дѣло; потомъ уже позва лъ въ общее присутствіе дочь, Ма йну.

Ма йнѣ было всего годовъ 14; ма ть велѣла ей уже одѣться, и она вошла въ ба рха тномъ а ломъ ча па нѣ съ га луна ми въ конической ша почкѣ, опушенной котикомъ, обниза нной и обвѣша нной бусами стеклярусомъ, съ коей висѣли по обѣ стороны длинныя и широкія подниз и. Волоса, за плетенные въ одну косу, на первый взглядъ почти одна ша почка; эта только и отлича лась отъ мужчинъ, на коихъ были подъ исподомъ та кіе же ха ла ты, сверху суконные ча па ны того же покроя, остроконечные, неуклюжіе са поги и гола я шея. Но Ма йна подпоя са не была по ха ла ту поясомъ, а ча па нка кинутъ сверху, тогда ка къ мужчины опоясыва ются кожа нымъ ремнемъ съ ка рма номъ и другимъ приборомъ, сверхъ на па нки; мѣ того, ха ла тъ

на Майнѣ застегнутъ былъ на груди серебряной пряжкой.

«Баш-уръ, жаза ей отецъ,ука зывая на Сакалба: «кла няйся, вотъ твой будущій отецъ, онъ тебя беретъ за сына.» Потомъ велѣлъ ей подойти къ себѣ и наклониться, повѣсилъ ей на гайку черезъ за тылокъ чита лъ на ста вленія, какъ ей должно слушаться тестя и мужа.

Майнаво все это время быстро глядѣла черными гла зенка ми свои ми вокругъ, оста на влива лась нѣсколько ра зъ съ видомъ ка кого-то сомнѣнія на дядѣ Маіора, иска ла кругомъ — сняла и пода ла съ поклономъ отцу плеть его, вышла, шага я почти по голова мъ родичей своихъ, которые, усѣвшись по та кому торжественному случаю чинно въ кибиткѣ Кара саказалась, лиее собой всю, а вышедши изъ-подъ за пона, прикрыва ва дверь, кинула съ проворнокъ дѣвка мъ и ба ба мъ, жида вшимъ ее тутъ, и пробормота лъ одинъ духъ: «который же это, который? неужели ста рикъ, сидѣвшій рядомъ со сва томъ? болѣеникого не видно было въ кибиткѣ!»

—Коли старъ, то къ бога тъ можетъ быть, — отвѣчали подруги. — Пойдемъ, сядемъ въ кибитку свою, да подымемъ кошму съ боку, увидимъ его въ рѣшетку, когда будетъ уѣзжать.

Карасакалъ-баотыр просилъ гостей своихъ только въ слѣдующее утро, но Майна съ подругами тѣмъ не менѣе провожали гостей за мигъ-зарѣшетки сосѣдней кибитки, и указывали пальцемъ то на того, то на другого или третьяго, пола гая, что тотъ или этотъ долженъ быть ея женихомъ.

Когда Сакалбайсъ товарищами выѣзжалъ рано утромъ отъ чумекейцевъ, то въ аулахъ сдѣлалась тревога: огромный степной пали, на пол ный огонь, шелъ при попутномъ вѣтрѣ съ юга, почти во всю ширину между Илека и Темирая, верстъ на 60. Вершники скакали уже до трисма тривать это разливающееся огненное море, упущенное по неосторожности какимъ нибудь пастухомъ или проходящею шайкой. Сотни кибитокъ сымались, навьючивались верблюдовъ, и, вмѣстѣ со скотомъ, отправлялись черезъ рѣчку. Балинцына ши

дума ли, что успѣютъ доѣхать до своихъ
а уловъ, особенно если приобретутъ гу, но
ошиблись въ расчетѣ на лунастихъ на
перепутьи. Нѣсколько времени принимали
они все правѣе къ сѣверу, на дѣясь объѣхать
огонь, но наконецъ увидѣли, что онъ ихъ
такимъ образомъ гонитъ слишкомъ далеко.
Они остановились, сошли съ лошадей,
вырубили и раздули огня и зажгли отъ себя
траву. Это называется: пустить
встрѣчный палъ. Трава выгорѣла тутъ вскорѣ
на большое пространство, и на немъ — путники
на широко расположились преспокойно
ожидать конца и разсвѣта. Пламя катилось
на нихъ сѣрыми клубами, взмывая по кустамъ
и бурьяну иногда въ ростъ человѣческій, и
разстилая ясными ручьями по низкому,
объѣденному коровами; дымъ стлался впередъ,
огонь подвигался за нимъ почти съ тою же
скоростію, какъ бѣгущій ходокъ; чѣмъ ближе
онъ подходилъ, тѣмъ слышнѣе былъ этотъ
гулъ особаго рода, который нельзя сравнить
ни съ какимъ инымъ шумомъ, разве только
съ отдаленнымъ гуломъ взволнованнаго бурей
моря. Огненный гребень или гряда эта,

будучи въ глубину не болѣе сажени, простирала въ обѣ стороны уступами и зубцами, мысами и заливами, обозримое протяженіе. Когда она настигла путниковъ нашихъ, сидѣвшихъ преспокойно на выжженномъ ими пространствѣ, и пиною къ нагонявшему на нихъ палу, то она раздвоила и вокругъ пожарища, гдѣ горѣть было уже нечему, и прошла далѣе, а Сакалбасъ и товарищи мои сѣли на коней и поѣхали опять своимъ путемъ.

«Года тому четыре», сказалъ Сакалба й, «когда я ходилъ вожакомъ съ русскими на Тоболъ, такъ въ мѣсячную палъ хватилъ кибчаковъ и аргинцевъ, сгорѣло много скота и человѣкъ до 80-ти; кибитокъ погорѣло болѣе сотни.»

—Бѣда на мѣсяцу линіи сидѣть, —сказалъ другой товарищъ, —когда случится, что на бѣжитъ палъ. Это такое-же горе, какъ и потравы сѣна и луговъ, гдѣ собираются мѣстъ конца. Тутъ думаешь, какъ бы самому чего не потерять, да чтобы скотъ уцѣлѣлъ, не отхватилъ бы гдѣ гуртъ; а тутъ, глядишь, на слѣдствіе

выѣзжаютъ чиновники, да за душу тебя тянутъ. Слыша лъ дядя, а га, продолжа лъ онъ, — прошлогоднишнее слѣдствіе, что пріѣзжа лъ косой да взялъ 8 ба ра новда, ска за лъ кончено все, не кончено — нынѣ говорятъ опять будетъ онъ ра збира тю *горячимъ* слѣда мъ, кто пустилъ па лъ; а онъ уже съ годъ ка къ простылъ и мѣсто да вно тра вой поросло.

Пріѣха въ въ а улъ свой, Са ка зъ ба лій тотча сынъ Ма іораи, между тѣмъ, ка къ ба й бичя, ста рша яжена его, Са ка лба я, на лива лъ миску взболта нный взбитый кумызъ, а мла дша я отпуска ла лоша ди его подпруги и протира лаей гла за, та рикъ, будучи въ хорошемъ ра сположеніи духа, собра лся ярунить на дъ сыномъ: сердце его уже прошло. И онъ на ча лъ та къ:

«Соба ка чего ла ешь? волковъ пуга ю. Соба ка чего хвостъ поджа ла в? волковъ боюсь. Та ковъ и ты, сынъ мой; за дѣвка ми гоняешься, а ихъ же боишься; тебѣ бы жениться, да невѣсты не вида ть. Соромъ, стыдъ! глядите на па рня, вѣдь онъ ребенокъ; что онъ смыслитъ? Онъ и са мъ еще кра сна я

дѣвица, онъ не знаетъ еще жениться ли ему, за мужъ ли ему выходить, раздумье беретъ молодца, отъ того и стыдится. А за чѣмъ же ты, полуумный, вѣкъ съ дѣвками сидишь, коли у тебя и на это ума не стало, коли ты не знаешь еще, человѣкъ ли ты, или самъ дѣвка? А еще Маіоръ! За что же я на тебя такой почетный урядъ положилъ, коли послѣдній хорунжій больше тебя смыслитъ?»

Маіоръ сидѣлъ на корточкахъ передъ отцемъ, и между тѣмъ, какъ всѣ, кто былъ тутъ, хохотали, онъ заглядывалъ сыну комъ своимъ, то на правой щеки, то съ лѣвой, смотря по тому, откуда на него заглядывалъ отецъ. Отецъ вдругъ, не вставая съ мѣста, изъ-за пояса плеть, стегнулъ сына порядочно по плечамъ, и у Маіора словно вдругъ ноги выросли: вскочилъ и отпрянулъ, улыбаясь въ сторону, почесывая выбритую какъ ладонь голову.

На другой день Сакалбатиръ вилъ съ братомъ своимъ первый за два тока лыма, девять тощихъ овецъ, дядя Маіоръ увѣрялъ Каракалпатовъ, что овцы всѣ по два ягненка мечутъ, и что тутъ вѣрнымъ счетомъ

27 головъ скота. Наверъ отправили жениха въ небольшомъ поѣздѣ для знакомства съ невѣстой; Маіору некуда было дѣваться: разодѣлся въ отцовскій жалованный панъ, взялъ съ собою въ за пазуху выбойчатыхъ платковъ, золотникъ алый полку и какую-то полинявшую ленточку. Со смѣхомъ и шутками выпроводили его изъ аула, дорогою свадьбы или дружки, какъ ихъ называть, старались подкрѣпить мужество Маіора, который тяжело вздыхалъ, молчалъ и отиралъ потъ съ широкаго лица своего, слушая поученія и наставленія, какъ дѣйствовать и какъ себя вести.

Женихъ прибылъ къ чумекейцамъ уже въ сумерки; товарищи спровадили его толчками въ кибитку. Кара сакалы говорили кой-что за него; онъ робко кланялся, прикладывая правую руку къ сердцу и принявъ руку старикамъ обѣ руки свои, не замѣчая, что вмѣстѣ съ малахаемъ своимъ стянулъ съ головы и тюбетейку и стоялъ лысый, отъ бровей до затылка. Одинъ изъ товарищей выталкивалъ изъ подъ мышки жениха, изъ огромнаго малахая тюбетейку и

на сунулъее Ма іоруна одно ухо. Усѣлись, пили кумызъ, ѣли ба ра нинаую, о невѣстѣеще не было и рѣчи. На конецсьга рикъ объявилъ, что пора спа ть, простился съ Ма іоромьи, этого отвеливъ ма ленькую кибитку, юлла ма, въ которой должно было произойти первое свида ніе его съ невѣстой. Тутъ Ма іоръ встрѣтилъ въ дверяхъ почетную стра жу невѣсты своей, нѣсколькихъ ста рухъ, которыя принялись колотить жениха со всѣхъ сторонъ, пригова рива я: ты за чѣмъ сюда лѣзешь? тебѣ тутъ что нужно? нешто тутъ твое мѣсто?

Робкій и стыдливый Ма іоръ въ эту рѣшительную минуту собра лъ ка кою-то необыкновенною могутою всѣ духовныя и тѣлесныя силы свои, кинулся, очертяголову ка къ изступленный, въ толпу ба бъ, кстоилъ ка къра зъяренный козелъ уда ромъ головы своей съ ногъ, и прорва лся подъ за понъ кибитки, прежде чѣмъ тѣ успѣли опомниться. Онѣ подняли хохотъ и крикъ, грозили и требова ли выкупа; Ма іоръ, опра вившись немного, выкинулъ имъ изъ кибитки взятыя имъ для этого бездѣлицы; ба бье ще съ

большимъ крикомъ, шумомъ и смѣхами удалились, а онъ, Маіоръ, сталъ осматриваться въ потьмахъ.

Тундыкъ или по русски: дымникъ, то есть верхняя полстькибитки, на дюбручемъ, въ который упираются стрѣлы, былъ откинутъ: посреди кибитки чуть тлѣлся маленькій огонекъ; а на цвѣтной кошмѣ сидѣла Майна, за крыва яицо правымъ локтемъ и отвернувшись нѣсколько отъ той стороны, гдѣ стоялъ Маіоръ. Сверху падалъ на нее бѣлый свѣтъ луны и звѣздъ, снизу разливался алый багрянатый свѣтъ огонька. На всѣхъ изломахъ складка былъ двойной свѣтъ и двойная тѣнь; огонекъ былъ такъ слабъ, что не могъ пересилить и лунного свѣта.

Маіоръ опять взяла робость; постоявъ немного, онъ и самъ былъ на крылъ, глядя за рукавомъ, но догадавшись, что это слишкомъ глупо, рѣшился на конецъ поздоровать ся съ невѣстой, но до того забылся, что вмѣсто обычнаго привѣтствія женщина такъ, за ней подобострастно: салямъ-алейкюмъ, пожеланіе, которое говорится исключительно

единовѣрца мъ – мужчина мъ. Ма йна за хохота и отвѣча ланę, отнима я руки отъ лица, скороговоркой: «я тебѣ не бра ты не дядя; или можетъ ста тьсяты ошибся, не туда за шелъ?»

Черезъ полча сако, гда Ма іоръ на шьуже опра вился отъ всѣхъ недоумѣній и робости своей, и сидѣлъ на кошмѣ рядомъ съ невѣстой и рука въ руку съ нею, ба бы пришли стуча тыкула ка мивъ кибитку и вызыва тыневѣсту домой. Она вскочила и побѣжа лабезъ оглядки; ба бы приняли ее со смѣхомъ и шутка ми своего города, а Ма іоръ, оста вшись одинъ, прока шлялся, потеръ гла дкій подбородокъ свой, вышелъ взглянуть на погоду, увида лъ, что собира ются тучи, на крылъ дымникъ и легъ спа ть.

Во снѣ видѣлъ онъ великолѣпную ска чку, несконча емую толпу на рода крикъ, шумъ, огромныя миски крошенной ба ра нины с луковомъ, на добно пола га ппо, Ма іоръ во снѣ уже пра зднова лъ сва дьбу свою но онъ мгновенно проснулся отъ стра шна го топоту конска гоę, му ка за лосны, о тысячи вса дниковъ неслись прямо черезъ него.

Проснувшись, Ма іоръ простона лъ а лла х-
керимъ — но долго не могъ опомниться;
стукъ, громъ, крикъ и шумъ всяка города
окружа лиего. Тутъ было вотъ что: на шли
тучи, сдѣла ла сночью стра шна я гроза.
Ка йса кю объясняютъ явленіе это та къ:
ша йта нне рти, громоздятся другъ на друга
ёлкой, пира мидой, чтобы вылѣзть изъ
преисподнейна небо: Алла хъ пора жа ет къ
стрѣлой, и они съ шумомъ и трескомъ
ра зсыпа ются. Вотъ ва мъска зкаю Тита на хъ.
Ра збѣжа вшись, они ищутсна сенія, прячутся
за первый встрѣчный предметхо, тнѣе всего
за человѣка, котора го Алла хъ въ милости
своей обыкновенно ща дитъ; но
ра згнѣва вшись, нъ посыла ет къ стрѣлы на
ша йта ноъ ворознь, и тутъ нерѣдко ша йта ну
уда ется я твести отъ себя стрѣлу на человѣка.
Для этого — тка йса кю дыма ютъ во время
грозы стра шный шумъ и стукъ, бьютъ въ
та зы, котлы, ча шки, миски, пуга ютъ и
гоняютъ всѣми средства миша йта на Та. къ
персіяне, приписыва юще ужа леніе скорпіона
та кже происка мъ ша йта на, выгоняютъ его и
военныхъ ста новъ та боровъ и ста новищъ

своихъ молитвой и хлопаньемъ ладоши. Во время походовъ персидскаго войска, станъ ихъ каждый вечеръ оглашается дружными плесками ладоши, цѣлая побѣдоносная войска.

Этотъ – то шумъ и стукъ, заглушаемый отъ времени до времени раскатами грома, поднялъ на ноги нашего Маіора. Опомнившись и почесавъ затылокъ, онъ сѣлъ, подвернувъ ноги, и улыбаясь самодовольно, протвердилъ на память, то мысленно, то вполголоса и съ легкими тѣлодвиженіями, все, что происходило вчера шняговичера, и поглядывая лукаво подлѣ себя на то мѣсто, гдѣ сидѣла Майна. Гроза миновала сыны товарищи Маіора пришли къ нему еще до свѣту съ увѣдомленіемъ, что жениху пора ѣхать домой, и на чемъ придется сидѣть въ кибиткѣ еще сутки; днемъ выѣзжать пока зывать тысячи людей детъ ему, на до убираться за темно.

Вскорѣ чумекейцы подвинулись далѣе впередъ, балинцы потянулись на югъ и къ нижней линіи на шей; женихъ съ невѣстой простились по крайней мѣрѣ на годъ, потому

что обра тныйуть чумекейцевъ,по другую сторонуИлека ,пролега лѣлишкомъ да леко отъ кочевья ба юлинцевъ.

Ба юлинцы,которые,ка кыи всѣ племена ка йса кокочуютъ въ извѣстноевремя года по извѣстнымъ простра нства мю,чища я мѣсто другимъ и приближа ясьосенью къ зимовью своему, подошли спокойно,идучи все вверхъ по Уилу, къ нижней линіи. Са ка лбапойсла лъдвухъ сыновей своихъ, Ма іорая Ка пита нвъ,Са ха рнуюсь гуртомъ овецъ на мѣну. Ка за кю,которые говорятъ здѣсь всѣ та кжебойкопо киргизски, ка кыи Ма іорънаишь съ Ка пита номю,бступили куна ковъ своихъ, гостей или пріятелей, за бра сываихльицѣлымъ потокомърѣчей со множествомъ приба утокъ, ста ра ясь уторгова тьовецъ подешевле; ка йса ка ши боялись продешевить,крича ливъ за пускии отста ива лмова ръсвой. Ка за кхва та ли ба ра нозвъкурдюки и та щилиихъ къ себѣ; киргизы перета скива ихъ за рогаопять на свою сторону —безотвѣтны,ба ра нгевѣли, и блеяніеихъ за глуша локрикомъ обоюдно догова рива ющихся пріятелей. Ка пита нъ

между прочимъ вздумалъ похвалиться кавалеромъ, братъ его, Маіоръ женихъ; Маіоръ приободрился при этомъ и вытянулся, полагая вѣроятно, что уральцы, ради поздравленія, завутъ ему, прибавятъ цѣны. Но уральцы повернули дѣломъ и увѣрили Маіора, что ему не годится же теперь, какъ жениху, ѣздить на такой кляченкѣ, предложили вымѣнять у кавалера, дружбѣ, тотчасъ же добра коня, отдавъ въ своего и еще пять баранъ въ придачу. Не ожидая отвѣта, кавалера лира заглядывать водить, щупать лошадь. Маіоръ старается хаять и сбить ей цѣну.

«Конь добрый», сказалъ одинъ, «что и говорить; у иного чайплетъ живетъ дороже. Снимай, братъ, шкуру, да продавай.» — А который ей годъ? — спросилъ другой. «Первый послѣ прошлаго», отвѣчалъ тотъ; «первая голова на плечахъ и шкура неворочена.»

«Гоу! вретесь», отозвалъ Маіоръ, «конь съ песковъ, на Тай-суйгавѣ росъ, скоро зубы съѣдаетъ, дѣло вѣдомое; что хватитъ травы, то и песку въ ротъ.»

—Зна ю, зна ю, ка къ не зна ть, принялъ опять тотъ; —я вижу, что съѣлъ: онъ и глядитъ словно не солоно хлеба лъ. У кого ба бушки во дворѣ нѣтъ, годится, держа ть можно.

Словомъ, не да ли Ма іору о помниться, ка къ пересѣдла лицо са дилкегона ка за чьяго коня, на зва ли молодцемъ и ста ли ра считыва ть. Но Ма іоръ съ Ка пита номъ объявили ка за ка мнѣ, отецъ велѣлъ имъ привозить весь за па съ хлѣба, сколько вымѣняютъ, сполна и, потому не рѣша лись отда ть ба ра ноз вѣ лоша дь. У ка за ковъ за этимъ не ста лодѣло; они ула дили все; они лоша дь вдолгъ не да ли; за чли за нее что слѣдова ло, а отпустили ка йса ка мна *кута рму*, въ-долгъ, сколько тѣмъ нужно было муки, съ тѣмъ ра зумѣется, чтобы только къ веснѣ поста вить за нее овецъ съ процента ми, ка ждую съ ягненкомъ. Ма іору съ Ка пита номъ сдѣлка пока за ла сь очень выгодною, и они, простившись дружески съ ура льца ми, отпра вились домой.

Неустойки ка за не боялись: здѣсь о-сю-пору, безъ векселей и росписокъ, долги

пла тятся. Ора здисправнѣе, чѣмъ та мѣ, гдѣ они пишутся на гербовую бумагу. Зна ете ли, ка къ безгра мотный ура льскій ка за къ стра ща ет, что грозитъ должнику своему, если этотъ не упла чива ет ему въ срокъ долга? Онъ приходитъ къ нему на домъ съ биркой, на которой на рѣза нно долгъ, рублями и десятка ми, то есть за рубка ми и крестика ми, и пришедши съ биркой и съ ножемъ, говоритъ должнику: эй, бра тъ, тда й ужо е — эй отда й! Гляди *срѣжу*, пра восрѣжу! И этого слова, этого безчестія ура льскій торговый ка за кѣ боится; срѣза тъ долгъ съ бирки, зна читъ уничтожить его, не считая тѣ его и долгомъ, потому что нѣтъ на дежды его получить. Это было бы тоже, или еще хуже того, ка къ если бы кто нибудь вздума лъ вынести на биржу вексель первоста тейна го купца и ра зорва ть его при сотнѣ свидѣтелей.

Ита къ Ма іоръ привезъ въ а улъ свой хлѣбъ сполна и пріѣха лъ еще на зна тной лоша ди — и былъ доволенъ; но не та къ дума лъ ста рикъ Са ка лба й, по Ма іоръ привезъ съ собою и долгъ. Ста рикъ ра зсердился, прогна лъ Ма іора и, только на

третій день взглянулъ укра дкойна новую лошадь его. «И ты не видишь», ска за лъ, «что это выкормокъ хлѣбный и больше ничего? Ка за ютворятъ, что на шастепна я лошадь — тра вяной мѣшокъ; а это что? Отъ овса, пра вда, руба шка подъ тѣломъ за кла дыва ется, да дне толста да плотна живетъ; а это выкормокъ, только на то и ходили за нимъ, чтобы обма нуть та кого дура кака, кты. За это вотъ тебѣ: я на весну не выпла чу Ка ра са ка лъ — ба ныгро ка лыму, пусть еще годъ пройдетъ, а ты дожида йся; а вось поумнѣешь. Теперь еще больно глупъ.» Стыдно ста ло Ма іору и доса дно да нечего дѣла тъ, то шелъ молча и понурилъ голову.

Та кимъ обра зомъ тотъ же ка за къ, который вѣрилъ киргизцу на слово въ ба ра на до весны, который счелъ бы велича йшимъ для себя безчестіемъ, если бы това ришъ къ нему пришелъ съ биркой, и ска за лъ: *срѣжу* — тотъ же ка за къ ни на минуту не приза дума ется обма нуть кого бы то ни было, прода въ негодную клячу за добра го коня. Ра звѣ у него гла зъ нѣту?

спросилъ бы онъ, выта ращивая мы на тебя
гла за не, что онъ за тылкомыглядѣлъ? И
та же точно ка йса къ своей стороны
пригонитъ и переда стъ счетомъ долговыхъ
овецъ своихъ, ка къ сдѣла лъ въ свое время и
Са ка лбанайшь, но если будетъ случа й —
придетъ и укра детъ ихъ опять и угонитъ.
Ра звѣ ему па стухъ? ка жетъ онъ; для чего
онъ не смотритъ за добромъ своимъ?

Между тѣмъ ка къ все это дѣла лось на
юго-за па дѣ, ба юлинцевъ съ ура льца мна,
сѣверо-востокѣ, противу Орска, куда
прикочева ли на мѣну чумекейцы на ши,
происходило другое. И ба юлинцы
жа лова лись уже, ка къ мы слыша ли, на
слѣдствія по степнымъ па ла мъ тра ва мъ —
а чумекейцы встрѣтили, не ожида я того, не
вда лекъ отъ линіи та же слѣдова теля. Дѣло
было за пута нное за вяза лось по доносу
та моженна гочиновника, по доносу о
безпошлинномъ, та йномъ провозѣ
нѣкоторыми ка ра ва нба ша ми за зныхъ
това ровъ, и по жа лобѣ боха рскихъ купцовъ на
ка кія-то притѣсненія по ра счета мъ съ
возчика ми. Все это было спута но вмѣстѣ, и

переписка шла по тремъ, четыремъ вѣдомствамъ, неутомимая. Искали тутъ какого-то общаго, огромнаго злоупотребленія и чиновникъ былъ присланъ издалека произвести строжайшее слѣдствіе.

Великій мужъ этотъ, со своими понятіями о *дѣлѣ*, *дѣлопроизводствѣ* и *слѣдствіи*, выѣхалъ въ сопровожденіи помощниковъ и небольшаго отряда съ девятью стопами бумаги на встрѣчу чумекейцамъ. Онъ собиралъся, какъ видите, пустить въ свѣтъ девять томовъ, столповъ, или *томъ*, какъ самъ онъ ихъ называлъ. Чумекейцы, не чуя никакого горя, врѣзались прямо на встрѣчу нашему безсребреннику; разбирательства чалось огромное, по множеству прикосновенныхъ свидѣтелей, и вовсе постороннихъ, которыеодна коже всѣ, для полноты дѣла, должны были быть опрошены. Какъ сводили въ ставку слѣдователя ежедневно десятками; между тѣмъ было задержано подъ карауломъ очень немного: кто только попалъ, то дѣло можетъ его коснуться, убирался за бавременно чистое поле, а Алексѣю

Ѳедоровичу приходилось по неволѣ оставлять въ дѣлѣ много пробѣловъ. Аулы чумекейцевъ раздумали идти на мѣну, начали все понемногу отступать, подъ предлогомъ недостатка корма для скота. Алексѣй Ѳедоровичъ подвигался съ ними, недопуская никакихъ насильственныхъ мѣръ для удержанія ихъ: онъ былъ врагъ всякихъ притѣсненій; чумекейцы отправляли каждую ночь табуны стадъ своихъ, баранъ и дѣтей, все далѣе на западъ, дѣло кончилось тѣмъ, что не исписавъ еще и третьей стопы, Алексѣй Ѳедоровичъ въ одно прекрасное осеннее утро увидѣлъ себя съ небольшимъ отрядцемъ своимъ, на мѣстѣ ночлега одного; на всемъ видимомъ пространствѣ не было ни одной кибитки, ни скотины, ни человѣка — и онъ, надивившись досыта, возвратился благополучно на линію, съ трофеями своими, съ двумя задержанными уже прежде, по *прикосновенности* ихъ, какъ и съ Тоивами, покинули ихъ, а съ минуты лишь простоpъ, шли, сколько силъ было, все дальше въ степь, на гоняя другъ друга какъ могли и успѣвали. Такое бѣгство иногда совершается

въ порядкѣ, если успѣва ютъ за бира ть съ собою все имущество, не бывъ на стига емы непріятелемъ; но иногда киргизы бѣгутъ, при неча янно мы на па деніи на нихъ, въ та комъ стра хѣ и съ та кою поспѣшностію, что не только покида ютъ кибитки свои, рога тый скотъ, ба ра новъ, гоняя однихъ лоша дей и верблюдовъ, но броса ютъ да же ста рухъ и хворыхъ ста риковъ, грудныхъ дѣтей, которымъ врыва ютъ въ землю по уши чугунные котлы свои, на ливъ ихъ молокомъ или кумызомъ.

Когда только ча сть чумекейцевъ успѣла перейти вершины Илека, на пра вляясь черезъ пески Ба рсукъ къ Са рыча гаи Сыр ку, они на поспѣшномъ бѣгствѣ ра стянулись, ра стерялись ка ка я-то й ка семи родцевъ, изъ числа та минцевъ, ходивша я по своимъ счета мъ на ба ра нтукъ а ллимолинца ми именно къ тляу-ка ба ка ми, вершины Эмбы, на ткнула сь случа йно на та буны чумекейцевъ. Та кой удобный случа й упустить было грѣшно, и ша й каза хва тила что могла. Тутъ были та кже лоша ди Ка ра са ка лъ-ба ан ю ря ла вилъ ульс свои,

выжда лъ за днихъ, на бра лъсъ сотню уда льцовъ, шелъ въ погонюза ша йкойно не на гна лся, а на шедши по рѣкѣ Уилу другіе а улы семиродцевъ, которые можетъ быть и незна лю походѣ и уда чномъ поискѣ земляковъ своихъ, чумекейцы на шивъ свою очередь удовлетворили себятѣмъ, что могли за хва тить тугъ, и поспѣшно ушли вслѣдъ за а ула ми свои ми, угоняя добычу; минова вже бла гополучно Ба рсуки, Ка ра кумъ, на конецъ и са мую рѣку Сыръ, они ра сположились та мъ на зимовье.

Вотъ похожденія чумекейцевъ въ эту осень, отъ коихъ за висѣла, повидимому, судьба на шихъ молодыхъ, на шего пріятеля Ма іора и 14-ти лѣтней Ма йны. Эта ча сть чумекейцевъ, поколѣніе На урузба ка, коему прина длежа ли а улы Ка ра са ка лъ-ба тыр опа са ясь поисковъ съ линіи, по неоконченному слѣдствію Алексѣя Ѳедоровича, поссорившись съ семиродца ми, которые за нима ютъ большую ча ства па дной степи, и опа са ясь мести ихъ, не смѣла пока зывать ся ихъ сосѣдствѣ, не только при линіи, и потому ра зсудила оста ться на

нѣсколько лѣтъ за рѣкою Сыромъ, кочуя въ ка мыша хъ, дуга хъи топяхъ между этою рѣкою и другимъ рукавомъ ея, Кувановъ. Угроза Саклбанея, выплатить на другую весну калымаза Маіораи за ставитого обождать въ годъ, въ надеждѣ, что авось-де онъ поумнѣетъ, не только исполнилась сказа ма собою, потому что баюлинцы не имѣли никакихъ сношеній съ отдаленными на урузбайцами, прошло цѣлыхъ три года, впродолженіи коихъ не болѣе трехъ разъ была какая-нибудь вѣсть черезъ хабарчіевъ, вѣстовщиковъ, пріѣзжавшихъ случайно съ караванныхъ путей, вѣсть отъ Карасакалъ-батыря, что онъ-де живъ и здоровъ, и поставилъ подъ караванъ столько-то верблюдовъ — а объ Майнѣ ни слова. Маіоръ ожидалъ спокойно, чѣмъ судьба его рѣшится, когда придетъ пора его, и скоро ли онъ поумнѣетъ, и за тягивалъ иногда высокимъ строемъ и тоскливымъ на пѣвомъ песенку въ память Майны, сами Саклбаи, ожидалъ съ весны на осень, съ осени на весну, не кончатъ ли дѣла свои на урузбайцы, не пойдутъ ли они къ линіи обычнымъ своимъ

путемъ. Но три года прошли, а ихъ видать. На добно бы думать, что они жили тамъ спокойно, что ихъ никто не трогалъ не обижалъ, коли они тамъ оставались — это было не совсѣмъ такъ. На Сырѣ и Кувинѣ хивинцы приняли чумекейцевъ въ ежовыя рукавицы свои — брали все, что хотѣли, били ихъ, да и убили нѣсколькихъ человѣкъ — не производя никакихъ слѣдствій и не сажая никого подъ карауль, и тогда менѣе въ острогъ, считывали всегда на мѣстѣ и чумекейцы оставались спокойно на своихъ кочевкахъ. Сборщики подати ѣздили, требовали короковину, выбирали въ счетъ за кятаны, да и лучшій скотъ, брали еще что имъ нравилось, безчинствовали, а урузбайцы иногда, вышедъ изъ терпѣнія, сопротивлялись — тогда хивинцы принимались за расправу, и рѣзали около себя, кого могли первагоа хватить — остальные всѣ винились, отдавали столько, сколько хотѣли взять съ нихъ, и тѣмъ дѣло было кончено. Послѣ расправы уже поздно, да и не для чего.

Въ Хивѣ и Бохарѣ одно только торгующее сословіе знаетъ грамотѣ; чиновные и должностные пренебрегаютъ всякимъ ученьемъ, и увѣряютъ, что имъ некогда за нимать такимъ пустяками: они только умѣютъ воевать и управлять. Въ примѣръ, какъ они умѣютъ воевать, они разсказываютъ, сохранившіяся еще по преданію, сказки о Чингисѣ и Тимурѣ, и все это принимаютъ лично на себя, будто они самі дѣлали все это вчера или сегодня. Но это въ сторону: я хотѣлъ только сказать, что купцы и зіятскіе всѣ почти знаютъ грамотѣ, и главное — умѣнье писать, все краснорѣчіе письменнаго слога, состоитъ у нихъ въ необъятной напыщенности, громкомъ и важномъ пустословіи, которому позавидовали бы французскіе классики прошлаго столѣтія. Каракалъ-баи нетъ, не дѣлался сойдтись когда нибудь съ баюлинцами; сношенія съ сватомъ были прерваны повидимому на всегда, или на долго; дочь подросла, два, три жениха напрашивались — что ее держать? лучше взять калымъ, да отдать въ рукъ. Каракалъ дѣйствительно просвѣтилъ

Майну за Дюртъ-ка ринца, нынѣшняго сосѣда своего, получилъ уже ча стка лы ма и воспользовшись дневкой проходивша го ка ра ва нарвгла силъ къ себѣ гра мотѣя, на поилъ его кумызомъ, на кормилъ са лмой и за ста вилъ на писа ть письмо къ Са ка лба ю, ста ромулріятелю, съ которымъ ссориться не хотѣлъ, — о нынѣшнихъ своихъ обстоятельства Кончивъ письмо, гра мотѣй ста лъ чита ть его вслухъ:

«Точка воззва нія изла га етъ недостойное почтеніе свое на стра ницѣ ува женія: ра бъ пра хастопъ ва шихъ, употребляющій пра хъ этотъ вмѣсто сурьмы къ бровямъ своимъ, проситъ отъ Всевышняго на долю ва шу сча стія и бла го получія, честь и сла ву велика го посла Алла ха (да будетъ чтима па мятъ его), проситъ со слеза ми отда ванная жертву за ва съ себя и своихъ, чтобы вы вѣчно возсѣда ли на престолѣ исполненія всѣхъ жела ній своихъ. И если исполнится молитва на ша т, о мы, нижа йшіе ра быва ши, пишемъ нынѣ къ зна мена мвѣры, повелителямъ на престолѣ судебъ, собира телямъ святыхъ пророческихъ преда ній, рудника мъ позна нія

истинной вѣры, свѣтильника мнѣ просвѣщенія, ходящимъ по сирату*), столпа мы правды, обладателямъ великихъ почестей и совершенства. Да будетъ вѣдомо вамъ, что судьбы Всевышняго къ намъ непримиримы; тщетно надѣялись мы на молитвы ваши, видно вы на съ за были. Всемѣрно желая исполнить данное вамъ словомъ, мы терпѣливо переносили бремя налегающихъ на насъ лѣтъ, тѣмъ болѣе, что дочь наша Майна еще только подростала. И теперь не желаемъ мы воспользоваться вашимъ, хотя великодушіе сердца вашего намъ вполнѣ извѣстно; нѣтъ одна ко же средствъ возвратить вамъ уплаченный вами отчасти калымъ; идти въ ваторону мы не смѣемъ, потому что мы въ войнѣ съ семиродцами, и русскіе считаются на ми слѣдствіе**). Посему, призывая Бога на помощь и не отчаяваясь милости Его удовлетворить вас со временемъ, мы разсудили принять калымъ отъ любезнаго намъ нынѣ, въ плачевной годы нашей, султана Беркута сына Юлбарсовича, любящаго

*) åÓÒÚ˙, ‚Â‰Û˘ÈÈ ‚˙ ‡È.
**) ëÎÓ‚Ó ˜ÚÓ, Í‡Í˙ ÚÂÏÎÈ˜ÂÒÍÓÂ, ·˚Î Ì‡ÔÈÒ‡ÌÓ Ú‡Ú‡ ÒÍÈÏ˙ ÔÈÒ¸ÏÓÏ˙ ÔÓ ÛÒÒÍÈ.

пребывающихъ въ родѣ Дюртъ-кара отъ устья рѣкъ Сыра и Кувандо озеръ Аксакалъ-баи, да лѣбѣла якость султана Беркута несомнѣнна, но я бы не промѣнялъ на нее болѣе мнѣ любезной отрасли вашего почетнаго племени, коимъ славится вселенная, хотя султанъ и прислалъ мнѣ въ первую осень за данью 40 овецъ и семь козъ ягненныхъ; я не принялъ бы и этого, если бы неумолимая судьба не разлучила съ вами всегда не, внемля моимъ грѣшнымъ молитвамъ, не слышавъ отъ вашихъ мятежныхъ».

—Оу! берекалда, берекалда! кричалъ Карасакалъ-бакшидаръ, тянувъ губы въ жемочекъ, поднявъ высоко брови и вытаращивъ глаза, дослушалъ до конца письма —прекрасно, превосходно!

Письмо это шло до мѣста назначенія своего, до Сакалбамѣ, сяцевъ пять, но на конецъ дошло таки и пришло. Оно пришло съ караваномъ Орскъ, такъ мнѣ было передано каргалинскомъ, который выѣхалъ на мѣну ни съ чѣмъ, въ легонькой порожней телегѣ, въ которой лежалъ самоваръ,

подушка ,а ршинъ и безмѣнъ — и только: а
возвра ща лся, ра зжившись Богъ всѣхъ чего,
въ повозкѣ съ верхомъ, въ ла пча томъ лисьемъ
тулупѣ, ра стянувшись на перинѣ, и пилъ
дорогою ча йровно пять ра зъ на день. Въ
Оренбургѣ письмо переда но было на
мѣновомъ дворѣ ка кимъ-то ка йса ка мъ,
ѣха вшимъ съ мѣны въ степь, и на конецъ,
черезъ десятыя руки, за ста вилъ Са ка лба я
противъ Са ха рной, вручив ему и испра вной. Но
этого ма лона добно было прочита ть его; и
тутъ прошло съ недѣлю времени, покуда
собра лись да на шли гра мотѣя. Ста рикъ
сна ча ла пуша лъ, на гнувшись сидя впередъ,
уста вивъ гла за на бума гу, улыба ясь и
погла жива я бородку; онъ за ста влялъ
повторять ка ждое слово, ка ждую строчку,
ука зыва я на льцемъ не впопа дъ на бума гу,
тѣшился и былъ доволенъ. Когда же поклоны
и пожела нія кончились, и дочита лись до
дѣла ,то Са ка лбанай морщился, подперся
локтемъ и молча отдува лся. «Ста рый плутъ!»
ска за лъ на конецъ, когда все письмо было
въ десятый ра зъ перечита но и ра столкова но;
«ста рый плутъ! а ба ра нмои за нимъ

пропадутъ? Разве на то выплатилъ ему по уговору за дочь лишь, чтобы онъ ушелъ въ Дюртъ-каринцы, и сидѣлъ тамъ, да отдавалъ дѣвку за султана? Ишь ты какъ его возьми, султана-то! Что ему велѣлъ отбивать чужихъ дѣвокъ, да еще и сосватанныхъ?»

Маіоръ принялъ вѣсть эту, побитаго тѣло- и духо-сложенію, какъ за лодо, вольнорабно душно, онъ въ теченіе трехъ лѣтъ привыкъ уже къ тщетнымъ ожиданіямъ, и не зная, что отвѣчать на вѣсть эту, молчалъ и глядѣлъ въ землю. Но ему ставилось на дѣдать на смѣшка мне, да ваш проходу, ни покою, а отецъ грызъ ему голову, попрекалъ, что потерялъ за него столько-то баранновъ; бранилъ, что онъ не хлопочетъ о невѣстѣ своей, страшилъ, что не станетъ ждать за него другой, хотя бѣдному Маіору нечего было дѣлать, какъ слушать и молчать.

Клиноообразная внина между рѣками Сыръ и Кувань принадлежитъ къ плодороднѣйшимъ пространствамъ степи. На сѣверъ отъ Сыра раскинулись юртяски Каракумъ, на югъ отъ Кувана совершенно

безводные, на пяти дняхъ ходу, пески Кизылъ – кумъ, а тутъ, въ срединѣ, сочные зеленые луга, перемежающіеся изрѣдка песчаными и кра сноглинистыми полосами, по коимъ ра зсыпаны горькія, соленыя и прѣсныя озера, копаны или колодцы всѣ мелки; вода есть на каждой точкѣ, но только подъ песчаной почвой прѣсная, а въ глинѣ горька я. Ближе къ морю солончаки, топи и необозримые ка мыши. Всюду ра зсыпаны лѣсочки са кса улу, хрупка го, жестка го, тяжела го дерева, которое да етъ лучшее топливо. Здѣсь кочева ли на урузба йцы, передвига ясь туда и сюда, внизъ и вверхъ по Сыру и по Кува ну. Ма йнѣ было лѣтъ 16; ка къ въ первый ра зъ отецъ просва та ется, не спросясь ея совѣта или согла сія, а кни въ другой; но она уже зна ла вида ла нѣ сколько ра зъ за султа на Беркута Юлба рсова и, выборъ этотъ былъ не по ней.

Беркутъ, то есть орелъ, сынъ Юлбарса, есть тигра, ка къ у на съ говорятъ обыкновенно, или по русски, ба бра – это громкое имя и прозва ніе, а рыерна тыхъ первый за львомъ са новникъ и вельможа

четвероногихъ. Но султанъ въ томъ видѣ по крайней мѣрѣ, какъ онъ былъ нынѣ, вовсе не отвѣчалъ собою на громкое имя свое: ему было за 60 лѣтъ; дряхлый, ничтожный старичишка, женатый на трехъ женахъ, вздумалъ онъ жениться еще на четвертой, и избралъ Майну, которая ему приглянулась. Онъ зналъ на память двѣ, три молитвы изъ Корана, зумѣется не понимая ихъ; твердо помнилъ на изустъ всѣ 14 колѣнъ родословнаго своего отъ Чингиса и утѣшался твердой надеждой, что въ немъ по крайней мѣрѣ поколѣніе знаменитаго завоевателя не прекратится, потому что произвелъ на свѣтъ огромный аулъ наслѣдниковъ: семнадцать однихъ сыновей, не говоря о внучатахъ и дочерей онъ не считалъ: это товаръ для сбыту, больше ничего. Но Беркутъ жилъ между дюртъ-каринцами близъ имени и вѣсу, и отличался тѣмъ только отъ прочихъ кайсаковъ, что ему говорили: *та ксыръ* *). Самъ онъ былъ собою очень доволенъ и зналъ все: такъ на примѣръ, когда одинъ Каравань-баши подчивалъ султана на

*) íâí˙ ~ÂÒÚ,Û¸Ú˙ ÒÛÎÚâÌÓ,˙: ·Î‡„Ó Ó‰≠Â, Ò≠flÚÂÎ¸ÒÚ,Ó.

на дневкѣ ча емъ, котора гаэ тотъ родясь не видыва лъ, о Беркутъ Юлба рсовше хотѣлъ пока за дать жеи въ этомъ дѣлѣ невѣжество свое, а ска за лъ, рихлебыва я «зна юя ча й этотъ зна ю — его дѣла ет ка ка я — тотица, кома ръ ли, оса ли; то лько жидокъ что — то у тебя и не сла докъ». Изъ этого на до дога дыва тъ ся, султа нъ слыша лъ когда — то и что — то про медъ, который пьютъ съ ча емъ, и пола га я, что его подчуютъ медомъ, на ходилъ его жидкимъ и не сла дкимъ.

Ка къ бы ни было, но вотъ онъ женихъ Ма йны. Дѣва ться ей отъ него некуда, сія или несогла сія, никто у нея не спра шива лъ. Она умоляла отца, говорила «у меня есть женихъ; ты же са мъ меня просва та лъ, велѣлъ на мъ слюбиться — ра звѣ быва ет у дѣвокъ по два жениха? Это стыдъ и позоръ передъ людьми! Я, воля твоя, своего не покину. Что мнѣ до султа на Беркута — ма ло ли ста риковъ та ска ется по бѣлому свѣту, та к ра звѣ ни всѣ мнѣ женихи?» Но никто не слуша лъ Ма йны, и дряхлый ста ричишка, ра зодѣвшись женихомъ, пріѣзжа етъ, по обыча ю, ка къ два дца тилѣтній Ма іоръ четыре

года тому, на та йное въ невѣстой свида ніе. Свида ніе это рѣшило все: истощивъ слезы и просьбы у отца, она твердо на мѣрила сь бѣжа ть за Илекъ и Темиръ, къ ба юлинца мъ, отыска ть своего Ма іора и тѣмъ отдѣла ться отъ Беркута.

Рѣшиться было ей не трудно, но ка къ исполнить это, ка къ уйти и достигнуть бла гополучно обѣтова нной для нея стра ны, черезъ 800 верстъ голодной степи, и ка къ исполнить это дѣвкѣ, одной, когда та ка я поѣздка, черезъ тысячи опа сностей, устра ша ет иногда и порядочна го мужчину, ка й са кой, который пуска ется въ путь съ большими предосторожностями и сообра женіемъ? Но Ма йна, легкомысленную, скорую, бойкую и предпріимчивую, все это не устра ша ло; она нат ай на готовиться въ путь и пріискива ла себѣ въ мысляхъ това рища.

Во первыхъ, она за готовила немногу за па сдорожной пищи, то есть круту, сушена госыру; и это ей, за нима вшейся хозяйствомъ отца, было не трудно. Она откла дыва ла день за день нѣсколько

комочковъ, а ночью уносила ихъ и зарывала въ одно мѣсто въ песокъ. За тѣмъ высмотрѣла она себѣ парудобрыхъ коней, въ табунѣ отцовскомъ, братнійа панцуманъ, поясъ и оружіе: она хотѣла одѣться мужчиной. Случай этотъ тѣмъ любопытнѣе, что онъ не выдумана нѣчто, разсказанный ею, а ключа ей въ себѣ одну только истину.

Потомъ Майна стала искать себѣ попутчика и вожатаго; на не знала, гдѣ и одной пуститься въ такой путь было слишкомъ опасно. Тутъ предстоитъ намъ вывести передъ читателя новое также дѣйствительно бывалое лицо.

У Карасакажилъ уже года два работникъ, пастухъ, безродный дюртъ – каринецъ, а на сущный хлѣбъ. У лошади, на которой онъ ѣздитъ, бунъ хозяйскіе, голодные верблюды отъѣли зимою хвостъ по самую рѣпицу, и кляча стала какуцая. На ней – то бодро разъѣзжалъ молодецъ на шъ, сгоняя стадо грубымъ, сиплымъ и дикимъ голосомъ своимъ, и самъ получилъ за это прозвище куцаго. Ему было лѣтъ за 40; крѣпкаго, здоровагѣлосложенія, былъ онъ, особенно

въ своей одеждѣ, уродъ, на котора гнельзя было смотрѣть безъ смѣху. Ростомъ не великъ, въ плеча хъ широкъ, котротенькими ножка ми, огромной головой и еще огромнѣйшими уша ми, подслѣпова тыми гла за ми, предста влялъ онъ собою живой бурятскій кумирчикъ, ка къ отлива ются они изъ мѣди или фа рфора. Широкія костлявыя скулы да ва ли уродливой головѣ его точный видъ на шегоса мова радѣ; уши вершка въ три, отста вшіяотъ головы, предста вляли, ка къ нельзя лучше, ручки. Безпреста нное усиліе ра скрыть гла за пошире, Куц ому на шемуне помога ло, а ходясь на плоскомъ, ка къ доска, лицѣ, въ уровень со скула ми, гла за него, ка за лобы, личужіе, вста влены только на смѣхъ, и вѣки на дъ ними по угла мъ ва шиты — оттого са мова ръ морга лъ ими безпреста нно, тщетно ста ра ясь проглянуть. Носъ подъ широкимъ лбомъ, гдѣ морщины лежа ли во всю длину толщиною въ добрый па лецъ, носъ ка за лся ка кой-то за мыслова той постройки, горбомъ и крючкомъ; усы у Куца гобы ли кой-ка кіе, почему и говорили люди, что у него подъ

носомъ взошло, хоть въ головѣ и не за сѣяно – а вмѣсто бороды, не болѣе семи или девяти волосъ, вершка въ три. Губы средней толщины, но ротъ рѣшительно по уши. Когда Куцый объяснялся, ка къ обыкновенно, съ большимъ жаромъ, ра ста ра щивая льцы, на гнувшись всѣмъ тѣломъ впередъ, выпятивъ на четверть подбородокъ, пома тывая головой и да вая полную свободу выра зительной игрѣ мышцъ, или лучше ска за ть сухожилья на лицѣ своемъ, то вы видѣли передъ собою волчью па сть необъятной глубины, на стоящую пропа сть, передъ которою голова кружила сь; она смыка ла сь и ра зверзалась передъ вами съ быстротою молніи, и вы видѣли въ ней все, до са ма дна, почти до са ма желудка, и могли пересчита ть 32 бѣлыхъ и здоровыхъ зуба, ни въ чемъ не уступа ющихъ са мымъ отборнымъ волчьимъ зуба мъ. Къ этому оста ется только еще приба вить, что Куцый лѣто и зиму ходилъ въ одномъ пла тьѣ, въ на гольномъ косма томъ тулу кѣ или ма ла ха ѣ, который превра ща лъ и безъ того уже несора змѣрно большую голову его въ

пирамидальную гору; въ стеганомъ, полоса томъ халатъ покрытомъ до послѣдней нитки за платками тѣхъ цвѣтовъ и родовъ: шелковыми, бязевыми, ситцевыми, суконными, на конецъ кожаными и мѣховыми. Лучшее мѣсто на халатѣ былъ лоскутъ халатъ сукна съ ладоны, положенный на спинѣ, между лопатокъ. Тутъ была зашита спасительная молитва, которая одна кожене спасала Куцагу отъ частыхъ побоевъ толстою плетью по этому же самому мѣсту. Халатъ, чтобы не безобразить стана, закладывался разъ на всегда полами въ широкіе кожаные шаравары, надувалъ тѣхъ, спереди и сзади съ боковъ горою, штаны съ уживались по ногамъ клинообразно и оканчивались немного ниже того, гдѣ начинались голенища, то есть вполголени. Куцый обрѣзалъ тѣхъ на четверть, употребивъ обрѣзки на заплатки, разсудивъ весьма основательно, что внизу, гдѣ уже есть около ноги голенище толстой юфти, кожѣ болтаться не для чего, она изнашивается безъ всякой пользы. Отъ всегдашней верховой ѣзды, ноги образовали Куцагу какъ жадя, почти полукружіе; и если

ка блуки сходились вмѣстѣ, то колѣно было отъ колѣна еще ка къ Москва отъ Питера. На ходу Куцый перева лива лся ка кимъ-то носорогомъ, ра ста ра щива я пальцы, продира я усильно гла зи, упира ясь въ обѣ стороны на воздухѣ ла донями, чтобы сохра нить по возможности ра вновѣсіе.

Куцый служилъ шутомъ или дура чкомъ для всѣхъ кочевыхъ обита телей цѣла го простра нства между Сыромъ и Кува номъ; никто ниже послѣдній ма льчишка или дѣвчонка, не могли съ нимъ сойтись или встрѣтиться, не за хохота ивые поднявъ его на смѣхъ. На всѣ пиры зва ли Куца го, потому что онъ былъ плясунъ и тѣшилъ зрителей ломкой и пляской своей среди зной на го а зіятска лѣта, по нѣскольку ча совъ ряду, не снима яни тепла го ха ла съ плечъ, ни мохна та шапо ла ха съ головы. Общественной пляски у а зіятцев вообще нѣтъ: плясуны у нихъ то, что у на съ фигляры. Сла бость на шего Куца го были женщины, женидьба; онъ все еще былъ холостъ, ка къ бѣднякъ и дура къ; но охотнѣе всего гова рива ло о сва товствѣ, вызва вшись въ сва тые му,

можно было сдѣлать изъ него все, что угодно. Онъ становился среди чистаго поля на голову, и стоялъ такъ полчаса сряду, помахивая подергивая мыслями ногами, если какая нибудь баба его о томъ мимоходомъ просила, и былъ порученіемъ этимъ всегда очень доволенъ. Другая была кость Куцаго была не сытная для его, и шутка, на которую въ былыя времена еще съ нимъ пускались, заставивъ съѣсть въ одинъ присѣстъ цѣлаго барана обглодавъ всѣ косточки, съ уговоромъ получить 500 плетей, если чего не доѣстъ — шутка эта давно уже потеряла всякую цѣну и вышла изъ употребленія: не было во всей степи дурака, который бы кинулъ ему барана или грошъ; Куцый былъ такъ неостороженъ, что съѣдалъ каждый разъ барана, какъ нашъ братъ перепелку, и не далъ, къ неудовольствію зрителей, высѣчь себя ни разу; напротивъ, онъ облизывалъ пальцы, высасывалъ косточки, и жаловался, что его обманули, что баранъ тотъ вѣрно еще не перегодовалъ. Послѣ такой продѣлки, Куцый ложился, какъ случалось, къ верху брюхомъ или къ

верху спиной, на солнцѣ, на крыва лю голову ма ла ха своимъ, и спа лъ сутки двое или трое, вста вать только по ра зу въ день, чтобы выпить миску воды съ на ше русское ведро.

На этомъ – то окровищѣ Ма йна основа ла всѣ на дежды свои; здоровъ ка къ быкъ, довольно глупъ и безсмысленъ, чтобы за ста вить его умѣючи сдѣлаться и повѣрить всему; сна бженъ отъ природы доста точнымъ чутьемъ и па мятью мѣстности, чтобы служить вожа комъ по та кимъ мѣста мъ, гдѣ ему одна жды на вѣку своемъ быть случа лось — всѣ эти сообра женія не обма нули Ма йну, выборъ ея былъ уда ченъ. Этого урода душой и тѣломъ увѣрила она, что стра стно въ него влюблена, а ка къ отецъ конечно никогда не согла сится тогда тому ее, то и предложила, ка къ одно средство и спа сеніе, бѣжа ть съ нимъ къ нижней линіи на шей, подъ за щитъ русскихъ или султа на – пра вителя. Молодецъ на шъ да вно слыша лъ, отъ сотни людей, которые вѣчно на дъ нимъ трунили, что на немъ лежитъ большой чинъ, а потому и повѣрилъ охотно, что дѣвка скорѣе согла сится выдти за него, чѣмъ за

Ма іора — или за ста рика Беркута, въ сра вненіисъ коимъ Куцый счита лъ себя кра са вцемъ. Онъ увива лся съ этой минуты укра дкой вокругъ Ма йны и отъ ла ска его спа са лае только остра стка: «Отвяжись, лѣшій, не ходи за мной хвостомъ, а то люди смѣтятъ да ска жутъ отцу, и онъ тебя прогонитъ». Для подкрѣпленія жъ въ немъ вѣры и на дежды, она позволила ему ра зада укра дкой поцѣлова трубку свою, не зна ю, случа лось ли когда нибудь прежде и послѣ этого, чтобы влюбленный ка йса цѣлова лъ руки своей возлюбленной.

Приготовивъ все и выбра въ темную осеннюю ночь, Ма йна выползла изъ семейной кибитки, унеси съ собою подготовленный ею съ вечера брата нійа па нъ, ма ла ха йа, йда ко стрѣла ми и лукъ; ра збудила спа вша го подъ соба чьимъ хребтомъ *) Куца го, прокра ла ся вмѣстѣ съ нимъ къ та бунъ; здѣсь взяли они на выборъ, изъ коротко зна комыхъ имъ отцевскихъ коней, ка ждый по па рѣ и осѣдла ли ихъ; Ма йна второчила свой за па скруту и

*) àÚ˙—‡ Í‡, ÒÓ·‡˜≠È ı Â·ÂÚ˙ — ÒÓÒÙ‡,ÎÂÌÌ°fl Ì‡ ÒÍÓ Û¸ ÛÍÛ ¯‡Ú ÓÏ˙ ‰,¨ ÍË·ËÚÓ˜Ì°fl ¨¯ÂÚÍË Ë Ì‡Í °Ú°fl ÍÓ¯ÏÓÈ.

кумызу; Куцый припасъ для себя также оружіе: огромный, семи-аршинный шестъ, за остренный на концѣ копьеобразной; съ этимъ деревяннымъ копьемъ **), рыцарь-герой наш пустился смѣло ратовать съ судьбою и съ людьми, за обожаемую имъ красавицу.

Путь лежалъ передъ бѣглянкою не малый и вовсе не безопасный. День доброй ѣзды до рѣки Сыра, потомъ надобно переплыть рѣку, тамъ три дня песками Каракумъ, три дня пескамиБарсукъ, сутки солончаками до Эмбы и еще двое-трое сутокъ, по обстоятельствамъ, а уловъ баюлинцевъ — всего восемь, девять дней и почти столько же сотенъ верстъ, и все это, надобно проѣхать тайкраднойта йкомнчтобы другие не нагнали, не встрѣтили и никто не заподозрѣлъНадобно ѣхать тыночью, съ большой оглядкой, чтобы вдругъ не наткнуться на кого нибудь, а днемъ лежать лошадьми въ овраге, въ камышѣ, почти

**) èÓ‰Ó·Ì°ı˙ °^‡ ÂÈ ‰Â Â,flÌÌ‡„Ó ÍÓÔ¸fl ÏÓÊÌÓ ÌÂ ¨‰ÍÓ ,ÒÚ ¨ÚËÚ¸ Á‡ Ì ‡ÎÓÏ˙: Ë‰Û˜Ë Ì‡ Ó‰ËÌ˙ ÚÓÎ¸ÍÓ „ ‡·ÂÊ˙ Ë Û„ÓÌ˙ ÒÍÓÚ‡ Í‡ÈÒ‡ÍÈ ËÁ·¨„‡ Ú˙ ÔÓ ,ÓÁÏÓÊÌÓÒÚË Û·ÊÒÚ,‡, Á‡ ÍÓÚÓ °Ï˙ ÚÊÁ ,ÒÂ„‰‡ ÒÎ¨‰ÚÁÚ˙ ÒÎÓÊÌ‡fl Ë ·ÓÎ ¯‡fl , ‡Ê‰‡ Ë ‡Ò˜ÁÚ°, ‡ ÔÓÚÓÏÛ ÌÂ ¨‰ÍÓ ‰Ó,ÓÎ¸ÒÚ,Û ÚÒfl ¯ÂÒÚÓÏ˙ ,Ï¨ÒÚÓ ÍÓÔ¸fl, ˜ÚÓ·° ÚÓÎ¸ÍÓ ÒÔËıÌÚÚ¸ ,Ò‡‰ÌËÍ‡ Ë Û„Ì‡Ú¸ Ú‡·ÙÌ˙ Â„Ó.

прита ивъ дыха ніе. Похожденія и приключенія бѣглецовъ и землепроходцевъ въ степи За яицкой иногда очень за мѣча тельны, иногда неимовѣрны. Неда вно еще, строгою зимой, въ дека брѣ, ша йка пойма ла на перепутьи четырехъ вѣстовщиковъ, шедшихъ изъ Боха ры. Ихъ обобра ли до нитки, отняли все, провели еще переходъ или два голодомъ съ собою, а потомъ отпустили на гишемъ, оста вивъ имъ, ка къ послѣднее убѣжище, одно только огниво. Они высѣкли и ра звели огонь, обогрѣлись, потомъ двое побѣжа ли съ головнею впередъ и опять ра звели огонь — ка къ дымокъ въ верстѣ за курился, та къ оста льные двое пустились туда же; потомъ эти пошли впередъ, и чередуясь та кимъ обра зомъ, ни бла го получно пробѣжа ли до двухъ сотъ верстъ, на гишемъ, по снѣгу, при сильной стужѣ и безъ всякой пищи. Тутъ они на ткнулись на а улъи были спа сены. Ка йса не видитъ въ поступкѣ этомъ, обобра ть безза щитна путника и погубить его, не видитъ безполезной, звѣрской и безсмысленной жестокости, которую мы въ

немъ видимъ; эти же четыреголыша е, слибъ имъ случилось когда нибудь быть на мѣстѣ гра бителей своихъ, поступили бы, безъ сомнѣнія, съ первыми встрѣчными та кже. На шь отрядъ пойма лъ одна жды въ степи отъ явленна пвора и ра збойника связа нный сидѣлъ онъ на землѣ. Ка й са ихъ ближнихъ а уловъ ча стію служившіе на мъ вожа ка ми, обступили пойма нна роуга лисна дъ нимъ, плева лина него, та къ что ка ра ул на шь долженъ былъ ихъ отогна ть. Прибѣга ет еще новый зритель, который, услышав шо имкѣ ра збойника, спѣшилъ на сла диться лицезрѣніемъ его, убѣдиться, дѣйствительно ли это онъ. Пришелъ, взглянулъ и ужа снулся! Всплеснувъ рука ми, на чина етъ онъ проклина тьего въ гла за с, та ра ется ра зжа лобить его и всѣхъ свидѣтелей, ра зска зывая то ра зъ сряду, ка кимъ звѣрскимъ обра зом из вергъ этотъ на па лъ его отсутствіе на семейство его, ут на лъ ко тъ, избилъ до полусмерти ма ть и жену, а кинулъ ребенка въ рѣчку, и прочее. Тотъ долго молча лъ; на конецъ, пока ча въ голову, ска за лъ спокойно: «Ты, я вижу, и былъ и

вѣкъ будешь дура комъ. Въ то время былъ ты
дура къ за то, что тебя не было дома, а теперь
дура къ, что сидишь дома; ты видишь, я
связа нъ: поѣзжа й въ а улъ мой на ра спра в
Чета на ша проднева ла первый день
за легшихъ прибережные ка мыши Сыра; и
стра нное обстоятельство не нареда лихъ
обра тновъ руки преслѣдова телей ко имъ
впрочемъ и преслѣдова тмо жно было только
на уга дные, зна я куда и за чѣмъ Ма й на
бѣжа ла; но вмѣсто того, оно ускорило еще
бла го получное ихъ бѣгство. По множеству
а уловъ и на рода близь Сыра, Ма й на не
осмѣлила сбѣжа тда лѣднемъ, а за легла ть
ра свѣтомъ, перепра вившись только впла вь
черезъ рѣку, въ глухой, непроходимый
ка мышь, гдѣ путники на ши на ткнулись на
узенькую тропинку. По этой же тропинкѣ
шелъ въ то время имъ на встрѣчу хозяинъ и
вла стелинъ не только проложенной имъ
са мимъ тропы, но и обита емыхъ имъ
ка мышей. Это былъ огромный, полоса тый
ба брт или тигръ, который ива лялъ въ одинъ
прыжокъ, лучше всяка го конова ласа мую
крупную скотину. Онъ ходилъ на ночной

промыслъ свой въ степи, на пившись кровь, возвращался обычнымъ путемъ съ разсвѣтомъ въ свое логво. Майна и Куцый шли спѣшившись и вели лошадей въ поводу; почуявъ звѣря, кони вдругъ захрапѣли, взметнувъ гривы, вырвались и пошли по камышамъ на проломъ. Майна съ провожатымъ своимъ кинулись нѣсколько въ сторону отъ тропинки, не могли проломиться по этой неимовѣрной чащѣ и остановились: сытый звѣрь прошелъ спокойно въ пятиша гахъ отъ нихъ и не обратилъ на незванныхъ гостей своихъ никакихъ соображенія. Обождавъ немного, они вышли снова на тропинку, спѣшили по ней въ степь, но лишившись коней, почти отчаявались въ возможности продолжать путь свой: оставалось звѣря ночевать тутъ, подползти ночью къ ближайшему аулу, высмотрѣть табуны, кинуться на лошадей и скакать. Майна рѣшилась и на это; а Куцый — надобно отдать ему справедливость, не уступалъ ей въ храбрости и предпріимчивости. Но судьба избавила Майну отъ испытанія: лошади ихъ стояли

спокойно подъ степнымъ ураломъ и пропали, всѣ вмѣстѣ, на тучномъ болотѣ. Майна была въ неизъяснимой радости, какъ за то, что она теперь одолѣла всѣ бѣды и препятствія, и достигла уже отдаленной цѣли своей, до которой было еще болѣе 700 верстъ. Они проѣхали до самаго полудня, пробираясь сколько можно было оврагами, въ барханахъ песчаныхъ буграхъ Каракумъ, который весь походитъ на взволнованное бурею море, — углубленіями между бугровъ, и заглянъ скрытномъ мѣстѣ, поодалѣ отъ копанейили колодцевъ, чтобы на копаняхъ этихъ съ кѣмъ либо не столкнуться.

Такимъ образомъ, питаясь крутомъ, Майнасъ Куцымъ своимъ добрала она шестую ночь благополучно до Эмбы, переѣхала ее въ бродъ, и заглянувъ куста хъ по рѣчкѣ, увидѣла на за рѣвдалекѣ по Сырту*) двухъ вершниковъ о двуконь и узнала тотчасъ по пріемамъ ихъ, какой это народъ, безъ всякаго сомнѣнія, были каракулчаки, заѣзжіе кой-нибудь близкой шайки. Пускаясь промыслы свои, какъ и

*) ë° Ú˙ — ‚Ó‰ÓÔÛÒÍ˙ ËÎË ‡Á‰¨ÎÂÌ≠Â ‚Ó‰˙.

ка ждый день съ за рею отпра вляются попа рно ра зъѣзды, облета ютъ двуконь, на добрыхъ лошадяхъ всю окрестность, сдѣлавъ отъ да до 150 верстъ, ра зъѣзды возвра щаются на сборное мѣсто и доносятъ о томъ, что видѣли. Эти ка ра улы за мѣняются на шицѣпи, ведеты и ра зъѣзды; осмотрѣвъ та кое огромное простра нство, а й ка идетъ или стоитъ на мѣстѣ спокойно, не опа са ясь ничего. При на шей мѣстности этого было бы не до ста точно; но въ степи, гдѣ гла зъ свободно видитъ на десятокъ и болѣе верстъ, предосторожности этой довольно. Иногда впрочемъ и ка й са ки ста вятъ, гдѣ нужно, отводный ка ра улъ, и ка к искуснѣйшіе въ мірѣ воры, дѣла ютъ это ма стерски. Ра зъѣздные, увида въ ка кую нибудь конную толпу — пѣшей въ степи ра зумѣется не быва етъ — на передъ всего обма ныва ютъ, если она ихъ уже за мѣтила, мороча тъ, отводятъ, чтобы ника къ не да ть уга да тѣ, гдѣ, въ которой сторонѣ, сидятъ ихъ това рищи. Ра зглядѣвъ и убѣдившись хорошенько, ка къ сильны противники, ка ра ульчи ра спола га ютъ мудрѣйствіями своими; если тѣ сла бы, то дра знятъ,

за ма нива ютъ и на водятъ прямо на свою
за са ду; если непріятель не да ется въ обма нъ,
уда ляется, то ска чутъ во весь духъ къ своимъ,
да ютъ ма яки на круга хъ, чтобы поднять
всѣхъ на коня; потомъ ска чутъ и ма шутъ
ша пкой въ ту сторону, куда на доѣха ть,
пока зыва я нерѣдко туда, чтобы ша йка
ра здѣлила сь и ста ра ла сь обскакать и
бѣгущихъ. Тутъ уйти противнику очень
трудно, потому что ка йса ки никогда не
гонятся вслѣдъ, за исключеніемъ толпы,
слѣдящей добычу свою по измятой тра вѣ и
по свѣжему помету, между тѣмъ ка къ
оста льные обхва тыва ютъ ка и за бира ютъ
впередъ. Если же открыта яра зъѣздомъ
ша йка сильнѣе, то ка ра ульчи за что не
пода дутся въ ту сторону, гдѣ ихъ притонъ, а
на дѣясь на бѣгуновъ своихъ, от ма нива ютъ
ша йку все да лѣе, позволяютъ да ть себѣ
нѣсколько угонокъ въ противную сторону,
пропа да ютъ иногда отъ своихъ на сутки и
болѣе, и возвра ща ются на льнейо колицей,
когда уже успѣютъ скрыться отъ непріятеля.

Ита къ Ма йна увида ла на за рѣпа ру
та ки хъ ка ра ульчи ла зу ка йса чжарки, и

она вмигъ отличила, что это за люди. Если бы она увидала ихъ въ полдень — это бы значило, что шайка довольно далеко; но утромъ, на заре — это доказывало, что шайка стоитъ вплоть, потому-что разъѣзды высылаются съ восходомъ солнца. Дѣлать нечего: Майнасъ Куцымъ далъ приказъ своимъ вершникамъ, и когда они скрылись, повалили лошадей своихъ къ кустарникамъ при рѣчкѣ и снова залегли. Куцый, который обыкновенно спалъ какъ убитый на всякой дневкѣ, не могъ теперь заснуть: онъ страхуй, растянувшись передъ Майнойничкомъ и загнувъ кверху голову, изъяснялся передъ нею самымъ страстнымъ потокомъ рѣчей. Майна принуждена была не только грозить ему нѣсколько разъ плетью, но ударить его порядочно, чтобы хотя на время успокоить этуогненную сопку, и на гнать на нее, вмѣстѣ со страхомъ, кратковременную остуду.

Около полудня, вдругъ показалась окраина лойвозвышенности, со стороны Уила, пыль — а вслѣдъ за нею и порядочная толпа, болѣе или менѣе въ разбродъ. Ита къ Майна не обманулась.

Мѣстоположеніе по сю сторону Эмбы, коей вершины отдѣляются отъ вершинъ Илека плоскимъ и широкимъ сыртомъ Бусса гаровное, гладкое: тутъ нѣтъ ни рытвины, ни овраги, ни кусточка, на нѣсколько десятковъ верстъ; слѣдовательно нынѣшнее убѣжище Майны, то есть самая долина Эмбы, было единственное, на большомъ пространствѣ. Бѣглянка съ проводникомъ своимъ пролежала притаившись еще часа три — и гроза миновала сыйка прошла, прошедши въ виду ихъ Эмбу. На сталиумерки. Майна пустилась снова въ путь.

Но не успѣли путники на шиотъѣхать пяти верстъ, какъ вдругъ услышали за собою вплоть конскій топотъ. Они пустились скакать, толпа несла сужъ съ гикомъ за ними, на хвосту, и обскакивали ихъ съ боковъ. Это была та же шайка, днемъ переправилась за Эмбу; внезапна перемѣна на правленіи ихъ произошла вотъ отъ чего: одинъ изъ разъѣздовъ привезъ возвратившись какой-то гостинецъ, завязанный концѣ куска, всѣ обступили

вѣстниковъ, крича ли, шумѣли, ра зглядыва ли и переда ва ли изъ рукъ въ руки диковинку, и вдругъ единогла сно положили ѣха ть поспѣшно на за дъ. Диковинка эта была не иное что, ка къ комокъ свѣжа го конска го помету, въ которомъ на шли нѣсколько зеренъ овса. Эти невинныя зерна не рѣдко встревожива ютъ мигомъ сотни а уловъ; не мудрено, что ша йка на ша та кже ка за ла сь крѣпко оза боченною. Эти зерна, овесъ, дока зыва ли неоспоримымъ обра зомъ, что ша йка едва не на порола на русскій отрядъ, та кже точно, ка къ ячмень или джуга рывъ пометѣ дока зыва ли бы присутствіе хивинцевъ или туркменъ. Убоясь встрѣчи съ на шимъ поискнымъ отрядомъ, ша йка обра тила сь вспять, на стигла случа йно путниковъ на шихъ, и быстро, неутомимо ихъ преслѣдова ла.

Подъ Ма йной были два лучшихъ коня, одинъ подъ верхомъ, другой, та кже осѣдла нный, въ поводу. Куцый, хотя выѣха лъ на этотъ на зъ въ поле не на куцомъ своемъ, а та кжена па рѣ добрыхъ коней, былъ одна ко же вскорѣ отхва ченъ, спотыкнулся еще,

ткнувъ огромнымъ шестомъ своимъ на перевѣсѣвъ землю, потомъ сбитъ съ сѣдла и взятъ. Майн нанесла сыво всѣ повода, въ потьма хъне ра збира пути куда мча лись кони; она взрѣза лана ска ку сѣдельную подушку свою и выхва тывая изъ нея цѣлыя горсти пуху, пуска лаго за собою, въ гла за на стига вшей погони, людей и лоша дей. Ма ло-по-ма лу йка ра стянула сь, та ла отста ва ть, но человѣка три на лега ли сильно одинъ, съ боку, нѣсколько ра зъ едва не за ска кива вперед ъ. Ма йн набросила повода лоша дей, связа въ ихъ вмѣстѣ, выхва тила съ пятокъ стрѣлъ и лукъ, чего преслѣдова тели не могли въ потьма хъ ра зглядѣть, оборотила сь вполъ-оборота на за дъ, привст на стремена, пустила стрѣлу, другую, третью, вытянувъ тетиву, ка къ видѣла слыша лотъ бра таво, всю стрѣлу, по са москопейцо — стрѣла тихо шикнула, едва слышно, безъ шуму и грохоту на шего огнестрѣльна го оружія — и бойкій вса дникъ поша тнулся, за крича лубили меня, умира ю — погоня отста ла чрезъ четвертъ ча сав се вокругъ Ма йны утихло. Она оста новила сь, та ла

вздохнуть лошадямъ, и стала выжидать и прислушиваться осторожно, что будетъ.

Майна знала обычаи земляковъ своихъ, знала, что спутника ея, если онъ попался въ руки непріятелей — чего она одна кожей по темнотѣ не видала — что плѣнника такого роду не лишатъ жизни, а только поколотятъ и оберутъ; ей стало жаль своего Куцаго, рѣшилась проѣхать осторожно нѣсколько верстъ назадъ, до того мѣста, подъѣхала друга, и поискать его. Шайка пронесла сь стороною по теченію Эмбы, между тѣмъ какъ Майна приняла съ вечера отъ Эмбы напрямо Уилъ.

Проѣхавъ гомъ, съ осторожностію и разъ остановка верстъ пять, шесть, Майнѣ показалось, что она послышала стонъ. Остановившись и вслушавшись, она осторожно поворотила туда, прилегла на луку, глядѣла противъ неба, и наконецъ увидала какую-то живую кочку. Смѣло подъѣхала она къ ней, въ увѣренности, что это долженъ быть Куцый, и не ошибалась. Онъ сидѣлъ подгорюнясь на гишемъ, какъ мать на свѣтъ родила не, обращаясь большаго

внимания на подъѣхавшаго вершника, котораго считалъ безъ сомнѣнія принадлежащимъ той же шайкѣ, сказалъ: А ты чего еще? тебѣ что надо? ты видишь, я сижу — да Богъ вамъ здоровье — на голой землѣ подо мной стыдно; а бить такъ больше нельзя меня, не по чему, нѣтъ живаго мѣста, все одинъ синякъ. Пріѣзжай съ разсвѣтомъ, да полюбуйся.»

И смѣшно и жаль было Майнѣ. Куцый не испустилъ ни одного стона, ни вздоха, когда избили его на гайкаомъ за тылкадо пятокъ; онъ только, стиснувъ зубы, перемигался — а узнавъ Майну, заплакалъ въ голосъ, и цѣловалъ копыты ея лошади. «Не сказалъ я», воскликнулъ онъ, «не сказалъ ни слова, сколько ни старались они около меня, не выпытали ничего! Не бойся, не знаютъ они кто ты и откуда; я сказалъ, что мы тамбинцы, бѣжали отъ разбойниковъ джагалбайлинцевъ. Сколько ни колотили, ничего больше не вывѣдали.»

— Дуракъ ты, дуракъ, бѣдняжка, — сказалъ Майна, да что же тебѣ пользы было ихъ обманывать, тратить за ставлять

себя бить? Если бы джа га лба й линцы на па да ли та минцевъ, вѣрно бы и эта ша й као томъ зна лака, ка же тебѣ польза лга тна своюшею? Кому изъ на сѣтъ этого легче?

«Все та ки обма нулъ ихъ», ска за лъ покрякива я Куцый, «все-та ки они въ дура ка хо ста лися; я имъ не переметчикъ да лся, чтобы выска за ть всю пра вду.»

Ма й на отда ла уроду ча па нъ свой, тюбетейку, одного коня, — и отдохнувъ немного, поѣха ли они да льше. Помолча въ четверть ча са, Куцый за хохота лъ, пробормота въ: «обма нулъ та ки соба къ, обма нулъ! Они и теперь дума ютъ, что мы та минцы!» Потомъ, оборотясь вдругъ послѣ этого быстрокъ Ма й нѣ и ощупа въ у себя торока з, а крича лъ: «А гдѣ же на шъ крутъ? а что мы ѣсть будемъ?»

Куцый въ са момъ дѣлѣ былъ пра въ. Крутъ пропа лъ вмѣстѣ съ лоша дьми его, гдѣ былъ второченъ, и у путниковъ на шихъ не оста лось ни на сущна го зерна. Куцый умѣлъ этотъ несча стный случа й обра тить мысленно по кра й не мѣрѣ, въ свою пользу: «Съѣдимъ

ба ра наска, за лонъ, за хохота въ ѣдимъ
больша гоба ра на лько бы добра ться до
а ула Ты, Ма й нас т, упа й сторонойда льше а
я подползу, укра ду и принесу. Небось, я
приколю его на мѣстѣ, гдѣ ухва чу, чтобы не
ревѣлъ, не дра лъ горло, да сзыва лъ на родъ.»
И Куцый за молкъ. На сла жда ясь мысленно
этимъ ла комымъ и сытнымъ блюдомъ, онъ
ра збира лъба ра на уже по ча стямъ и
суста ва мохряще ва та я рудинка хрустѣла
подъ зуба ми его, огромный курдюкъ чиста го
са ла ра сплыва лъ у него во рту, сочное мясо
тѣшило неприхотливый языкъ и нибо. —
Куцый на бира лъ полонъ ротъ, огромную
волчью па сть свою, и гла за у него
проглянули болѣе обыкновенна го, яблоки
лѣзли на лобъ, ка къ будто онъ уже да вился
огромными пригоршнями кулла мы или
бишба рма куд, ятипа ла гроучна го куша нья,
крошена го мяса. Онъ ра зсмѣялся и утеръ
ротъ ла доньюв за дъ и впередъ, отъ уха до
уха. Потомъ Куцый зѣвнулъ, ра створивъ
челюсти свои четверти на полторы, поёжился,
пожа лъ плеча ми туда и сюда та, и ла дрема ть
на конѣ ка къ послѣ сытна го обѣда.

Майна между тѣмъ рассчитала, что ей теперь всего лучше искать днемъ аулы, положившись на помощь и гостепріимство земляковъ; тутъ могли быть только аулы семиродцевъ или даже белоцинцевъ, можетъ быть, на счастье, удастся наткнуться на послѣднихъ и доспроситься тѣхъ, кого она ищетъ. За ѣхавъ небольшой овражекъ, по переправѣ черезъ Уилъ, она рѣшилась дожидаться разсвѣта, тѣмъ болѣе, что утомленныхъ лошадей нельзя было попасти. Она съ-устали, и, проснулась вдругъ съ испугу отъ страшнаго крику и шуму, ее окружавшаго. Куцый, задумавъ съѣсть барана, пустился на промыслъ, какъ скоро услышалъ что-то въ какой-нибудь верстѣ или двухъ за лагеремъ. Подкравшись къ сонному аулу, онъ высмотрѣлъ ползкомъ, гдѣ какой скотъ, подползъ благополучно къ овцамъ, поймалъ одну, прикололъ ее, оттащилъ ползкомъ за полверсты и принесъ на становище свое. Но этого мало: надобно было сварить чемъ-нибудь барана, или не печь его на жаруна возномъ. Куцый готовъ былъ въ крайности и на это, но онъ не

пола га лъ себя еще въ та койкра йности и пошелъ промышлять котелъ. Съ дерзостью голодна волка воротился онъ снова въ тотъ же а улъ добра лся ползкомъ до кибитки, въ которой чуть мелька лъ еще тлѣвшійся огонекъ, поднялъ легонько нижній уголъ за пона, и ста лъ ра зглядыва ть, что въ дѣла ло кибиткѣ. Всѣ спа ли, плоскій широкій котелъ стоялъ, по обыкновенію, съ водою на дъ жа ромъ, ра зложенномъ по са мой срединѣ кибитки. Куцый, глядя на котелъ, съ необыча йною живостію предста вилъ себѣ, ка къ бы въ немъ хорошо и вкусно ува рился ба ра нья го; оглянулся еще — за рѣшетку близь входа за ткнутъ ко сма тый ма ла хавтый; одно мгновеніе схва тилъ онъ ма ла хавтый, ухва тилъ имъ вмѣсто рука вицы, котелъ съ огня, опрокинулъ его, и вылилъ воду, не за ботясь о томъ, кому она попа ла на ноги и на голову, выскочилъ изъ кибитки и бѣгомъ, опрометью, пустился бѣжа ть. Соба ки бросились въ погоню за нимъ, и ста ли теребить вора сза дива ча па нью, рва ли ему да же икры, потому что Куцый былъ, ка къ извѣстно чита телямъ, босой; но онъ бѣжа лъ

безъ оглядки и безпа мяти, покуда на конецъ не на гна ли его выскочившіе за ним домъ и удивленные неимовѣрною дерзостію хозяева, которые, кинувшись въ погоню на ла йсоба ки, а стигли вора прежде, чѣмъ онъ успѣлъ добѣжа ть до овра жка, гдѣ спокойно отдыха лаМа йна. Вотъ шумъ и крикъ, отъ котора го она проснула сь.

Не зна я, что это за люди, и что тутъ дѣла ется, она только съ осторожностію приподняла голову, но не могла ра зглядѣть ничего, кромѣ небольшой толпы, ниже услыша ть что нибудь, кромѣ угрозъ, бра ни, нѣсколькихъ сильныхъ уда ровъ на га йкой — и вскорѣ все утихло, на роду туда лился. Когда ра зсвѣло, Ма йна удостовѣрила сь, что она одна, Куца гонѣтъ, рядомъ съ нею, въ овра жкѣ, лежитъ за рѣза нный ра нцо; ша ди ходятъ внизу, гдѣ были пущены; кругомъ все пусто. Она сѣла верхомъ и, выѣха въ на бугоръ, увида лаа улъ. За крича въ дѣтскою ра достію вслухъ: сла ва Тебѣ, Господи! она поворотила туда, и черезъ четверть ча са стояла передъ пяткомъ кибитокъ, поста вленныхъ въ кружокъ.

Отвѣтивъ на мужеское привѣтствіе ея тѣмъ же, молодой парень, сидѣвшій на лошади съ укрюкомъ*), спросилъ ее: «кто ты? чего надо?»

—Я баюлинецъ, сказала она, сынъ Сакалбая, сына Талдыкова. Ѣздилъ въ Семиродцы, къ невѣстѣ, и не знаю теперь, гдѣ найду опять свой аулъ. Не слышно у васъ, гдѣ они кочуютъ?

«Кто?» спросилъ тотъ, прислушиваясь и пригнувъ голову на бокъ.

—Гдѣ кочуютъ баюлинцы? —сказала Майна.

«Баюлинцевъ много, по всей степи кочуютъ баюлинцы», отвѣчалъ всадникъ, подъѣхавъ ближе: «Да тебѣ кого надобно, кого называлъ, ты кто?»

—Я сынъ Сакалбая Талдыкова, —повторила Майна, и—его—тотъ мнѣ и нуженъ, Сакалбая.

Сказавъ это, Майна какъ-то не могла глядѣть прямо въ глаза всадника и отвела взоры въ сторону; они прямо упали на связанныя по рукамъ и по ногамъ Куцаго,

*) òÂÒÚ˙ Ò˙ ‡ Í‡ÌÒÓÏ˙, Û Ô‡ÒÒÛÎÓ,˙.

который увидѣлъ Майну, лишь только она подъѣхала, услышалъ весь разговоръ и молчалъ, не подавая виду, будто и не знавалъ не видалъ ее отроду, чтобы ихъ, какъ товарищей, не подвергли равной отвѣтственности. Куцый лежалъ спокойно и ждалъ только конца и развязки, то есть, чтобы измочалили объ него всѣ, сколько есть въ аулѣ, на гекзаметрахъ, послѣ этого и самъ надѣялся добраться. Сакалба Ноя, молодой пастухъ, спросивъ еще разъ довольно настойчиво: «ты сынъ Сакалбаговъ, говоришь? Сакалба Тайлдыкова, батюлинца?» получивъ на это въ отвѣтъ утвердительное *ишула й*, та къ оборотился къ одной изъ кибитокъ и сказалъ: «Батюшка, батюшка — выдьте — кавстрѣтить сына, тутъ къ вамъ сынъ пріѣхалъ, только не знаю, брат ли онъ мнѣ будетъ — спрашиваетъ васъ.»

При этихъ словахъ, Майна конечно разгадала все; и когда вслѣдъ за старикъ Сакалба вышелъ изъ кибитки, а потомъ и братъ его и сыновья, кромѣ Ноя впрочемъ, то Майна накинулась съ лошадьми въ ноги старикуи залила ихъ горькими, радостными

слеза ми. «Я не сынъ твой, ска за она, а дочь твоя, Ма йнако, то рую ты высва та зъ сына, и коли вы не пріѣзжа лиза мною, то я пріѣха ла къ ва мъ. Меня отца былъ за друга го — но не быть у дѣвки двумъ жениха мъ, ка къ не быть двумъ солнца мна небѣ; я пріѣха лакъ жениху своему, къ отцу; бери меня подъ свое пра вое крыло, на кой меня своей пра вой рукой, не да ва вѣ обиду сильному, не вели стыдить меня никому; стыднѣе ча й покинуть жениха, а быть женой друга го, чѣмъ прійдти са мой къ первому!»

Пра вду говоритъ пословица: дѣвку трудно только выносить — а ра зъ перева бишь, та кружъ са мака, къ соколъ на руку лета ть ста нетъ.

Удивленію и ра достине было конца; Са ка лбанай крылъ голову Ма йны полою ча па на его, потомъ поднялъ ее, объявилъ всѣмъ, что она дочь его, око родное, сердце утробы его; повелъ ее въ кибитку свою, потомъ поста вилъ, ка къ са мому почетному гостю, особую бѣлую кибитку, воткнулъ у входа ея длинное копье свое, съ рѣзнымъ

копеищемъ; словомъ, Майна была принята, какъ самый близкій и дорогой гость.

А Куцый? Куцаго, разумѣется, освободили, приказали быть также гостемъ, и когда Сакалбай споряжался черезъчасъ послѣ этого по хозяйствуй, велѣвъ за рѣзать для дорогой гости барана, Куцый признался, что у него уже припасенъ готовый баранъ, невдалекѣ, взявъ лошадь, поскакалъ привезъ украденнаго имъ тутъ же на какунубаранъ. Подъѣзжаетъ а улусъ, хохотали души и моргали помахивалъ головой: «Рѣжьте другаго», сказалъ онъ на конецъ, «этого уже собакиорвали, на мое счастіе; это мой, я его съѣмъ одинъ.» Сакалбай не захотѣлъ лишиться его, тѣмъ болѣе, что кайсакиотносительно собакъ, крайне брезгливы, и какъ во многихъ другихъ, такъ и въ этомъ отношеніи, выгодно отличаются отъ калмыковъ.

Маіора не было; Майна провела слишкомъ сутки въ ожиданіи его съ баранами дѣвка мигестевала уласмѣху и радости было много. Маіоръ возвратился другой день къ вечеру и слѣзалъ осторожно съ лошади,

потому что плечо у него было прострѣлено стрѣлою. Майны. Шайка, которую встрѣтила она, состояла изъ баюлинцевъ, одившихъ въ сосѣдніе роды на баранты или воровство, по нашетамъ своимъ, взаимному праву и обычаю. Дѣло относительно раны Маіора, невольнымъ образомъ обнаружилось и объяснилось, потому что Майна на передъ уже разсказала всѣ похожденія свои, не подозрѣвая, что бы женихъ ея могъ быть въ этой шайкѣ. Сакалба по обычаямъ и понятію народному, должно было прикинуться сердитымъ на сына, который дожилъ до того, что невѣста за нимъ пріѣхала, а онъ за нею, и еще сверхъ этого онъ былъ раненъ — дѣвкой! Сакалба и сказалъ въ кругу родныхъ рѣчь, въ которой превозносилъ Майну до небесъ, бранилъ сына и говорилъ, что онъ, сынъ, ея не стоитъ. Маіоръ, какъ лосхуду, до вѣрилъ этому; онъ сидѣлъ противъ Майны, поглядывалъ на нее изподлобья, будто бы думалъ: толкуйте вы!

Общее недоумѣніе послѣ плодовитой рѣчи Сакалбы было прервано появленіемъ Куцаго; упрявившись еще на канунѣ съ

ба ра но свои мъ, котора не успѣли доѣсть соба ки, прикрывъ да ровыми обноска ми на готовую, онъ отдыха лъ въ вожделѣнномъ пресыщеніи за той са мой кибиткой, гдѣ происходило преніе. Вслуша вшись нѣсколько о чемъ идетъ рѣчь, онъ пошелъ объявить на конецъ Са ка лба для чего собственно Ма йнасъ нимъ бѣжа ла и, предложить въ тоже время услуги свои на па ствъ коней или овецъ. Куцый пролѣзъ подъ за пономъ, оттолкнувъ его головою, и вошелъ съ са модовольнымъ, а зсудительнымъ видомъ, держа пра вую руку на отлетѣ, между тѣмъ ка къ па льцы лѣвой руки, которою онъ собра лся за зсуждать, перебира ли по воздуху у него подъ бородою. Всѣ за хохота ли, глядя на него, и онъ послѣдова лъ ихъ примѣру; на конецъ, съ простодушной улыбкой, котора яся за лобы, лаготовая къ пла чу и къ смѣху, спросилъ: «Что же, будемъ смѣяться или будемъ дѣло говорить?» — Дѣло говорено и покончено, — ска за лъ Са ка лба йа, — тебѣ чего на до? — «Есть у меня просьба », продолжа лъ Куцый, — дойдя съ до ва съ, сколько тутъ есть». — Ка ка я

просьба? — «Да йте ходъ рѣчи моей, прика жите говорить, а вы будете слуша ть». — Говори, — ска за лъ Са ка лба ий; Куцый на ча лъ:

«Дивуюсь я — не на дивуюсь, гляжу я, не на гляжусь, а всѣ вы люди умные. Вы меня зна ете, ва сы не зна ю, а коли я ска жу ва мъ: будьте здоровы: то вы отвѣча йте добро пожа лова ть; то вы мнѣ прика жете, то ста ну дѣла ть, что я ста ну говорить, то вы будете слуша ть.» — А долго еще слуша ть тебя? — спросилъ Са ка лба. «Нѣтъ, не долго; на то есть ва ша воля, вы мой кормилецъ, я ва ш ра ботникъ. Зна йте жъ мы кто и за чѣмъ мы въ эту сторону за ѣха ли; пра вды не ска жу, вы люди умные, вы люди добрые, мы ва ши слуги, передъ ва ми сердца на ши на стежъ. Мы, не противно за кону Божію, за мышляемъ сочета ться бра комъ, жить вмѣстѣ, я, то есть, и вотъ Ма йна до, чь бывша го хозяина моего, человѣка на тна го. Всѣ за хохота ли; Куцый за крича лъ, поднявъ обѣ руки: «постойте» и продолжа л: «вотъ мы за чѣмъ мы ушли вмѣстѣ и поселяемся у лучша говъ мірѣ хозяина и, просимъ не обижа тъ на съ,

за съѣстное мы ва мъ отра бита будемъ вы жить за на ми спокойно».

Рѣчь эту, для незна ющихъ обыча и степные, на добно немного пояснить: у ка йса ковъничто не дѣла ется безъ кра сноба йства, безъ длинныхъ рѣчей, въ коихъ обыкновенно беретъ верхъ тотъ, кто всѣхъ перекричитъ и, неда въ никому опомниться, оглуша етъ все собра ніе полча са сряду, безъ роздыху, безъ ра зста новки, дикимъ крикомъ своимъ, и откова въ а кимъ обра зомъ всѣ умы по своему чека ну, увлека етъ ихъ за собою. Люди умные, ода ренные кромѣ голоса еще и да ромъ слова, умѣютъ имъ пользова ться, они за водятъ окольную рѣчь, въ которой ника къ не ожида ешь та кого рѣзка го конца, и неожида нность эта пора жа етъ увлека етъ всѣхъ, за ста вляетъ смѣяться и согла ситься. Слово Куца го — Энеида на изна нку, ка рика турка киргизска го кра сно рѣчія, но въ духѣ и обыча ѣ на рода.

Когда Куцый кончилъ и всѣ за хохота ли, то Ма іоръ вдругъ ожилъ, кровь уда рила ему въ лице, и онъ, не ра зумѣя шутки, за крича лъ,

что убьетъ урода этого и за кинетъ ка къ пса, если онъ осмѣлится еще ра зъ объявлять гла сно притязанія свое на Ма йну. Са ка лба й велѣлъ молча тысыну, на помнивъ ему, что онъ потерялъ всякое пра во на Ма йну, недостоинъ ея, и что кромѣ этого для него за сва та другая дѣвка, у сосѣднихъ та минцевъ. Въ са момъ дѣлѣ, это было спра ведливо: получивъ вѣсть объ отка зѣ Ка ра са ка лъ – ба Сырка, лба й іріиска лъ второму сыну своему уже другую невѣсту. Но это было ра споряженіе и воля отцовска я, которой Ма іо бе зпрекословно повинова лся, а не иска лъ, не жела лъ этого и глядя на Ма йну не дума лъ теперь о другой невѣстѣ своей. Вся семья, бра тья, дяди, свояки, всѣ кто былъ въ собра ніи, тотъ, сидя поджа въ ноги кружкомъ, ста ли на нять ся почтительно гла въ семейства Са ка лба и говорили: «Не дѣла йта къ, не иди противъ судьбы, будь милостивъ; — не будетъ та къ, не твоя это воля, твоя воля умна я и толкова я; — прости сына, сынъ молодецъ у тебя, прими въ милость его, будь ему отцемъ» — и прочее. Са ка лба при нявъ суровый видъ, слуша лъ

одна коже все это съ удовольствіемъ; онъ исполнялъ только обязанности свою, по обычаямъ понятіямъ своего рода, хотѣлъ уступить только усильнымъ просьбамъ, какъ будто по неволѣ, и собрался, за лосе, подержать тяжесть снимать тяличины, быть еще съ полчасе неумолимымъ. Но въ эту минуту, какъ будто сговорившись, Маіоръ и Майна, сидя, она поза диотца, внѣ круга, а онъ на супротивъ его, вдругъ ударили передъ старикомъ челомъ въ землю и завыли. Маіоръ лежа лъ и вопилъ: «языкъ свой вырву, грудь истерзаю, отсѣку правую руку свою» — а Майна говорила «за тѣмъ и я пришла къ тебѣ, покинувъ отца и мать, чтобы ты безчестилъ меня на чужбинѣ; умилосердись на дѣвиротою безродною, коли отымешь у нея суженаго, а кто же у нея будетъ свой, къ кому же она пріѣхала на чужбину, или только за позоромъ своимъ, на стыдъ свой, и на потѣху злымъ и досужимъ языкамъ? Что же скажутъ въ аулахъ на урузбайцевъ, когда дойдетъ туда вѣсть къ старому Карасакалъ — бачтыр, дочь его ушла къ чужимъ, что свои на чужбинѣ отъ

нея откинулись, и мужа у нея та мнѣть? умилосердись, не погуби!»

Женщины, и въ особенности дѣвки, въ степи во всѣхъ случаяхъ, гдѣ дѣло касается ихъ близко, бываютъ краснорѣчивѣе мужчинъ; дѣвки привыкли тамъ импровизировать, распѣвать стихи свои на обумъ, при каждомъ удобномъ случаѣ, на всѣхъ игрищахъ, пирахъ и сборищахъ; привыкли изливать радость, и въ особенности печаль свою, въ піитическихъ порывахъ. Вдова оплакивая мужа не иначе какъ распѣвая ему честь ему похвальныя пѣсни, съ причитываніемъ, точно какъ какой-гдѣ еще у насъ простолюдинъ. Вотъ почему въ словахъ женщинъ и дѣвокъ, если ими управляютъ сильныя страсти, гораздо болѣе смыслу и чувства, нежели въ грубыхъ и буйныхъ порывахъ мужчинъ. Онъ дурачится, грозитъ, хочетъ себя искалѣчить, порываясь къ дѣйствію, не умѣя быть покорнымъ и страдательнымъ; она умоляетъ, убѣждаетъ, выражаетъ, о чемъ скорбитъ сердце ея, по чемъ болѣетъ душа.

Са ка лба йустоялъ, не выдержа лъи, не успѣлъ кончить всю продѣлку та кимъ обра зомка къна передъ былоса мъ съ собою условился. Слезы пока тилисьнеугогра домъ, онъ вздыха лъяжело и, обра ща яко всѣмъ, кто былъ тутъ, повторилъра зада: «полно, полно, — ну, что же я ста нудѣла ть — ка кже мнѣ съ ними быть — са мивы видите.... я ли тутъ чему винова тъ? — горе мнѣ съ ва ми, дѣтки, да и только — а ка кже быть»... Опра вившись, принялъ онъ опять оса нку пова жнѣе, велѣлъ вста ть дѣтямъ и, собра вшись съ духомъ, рѣшилъ дѣло та къ:

«Противъ судьбы спорить и рядить нельзя; на э то человѣка не ста нетъ. Ма йна пришла къ на мъ, она на ша вз, возми же ты ее, Ма іоръя, отдѣлю ва мъи хозяйство. А ты, Ка пита нвѣдь и ты уже не ребенокъ, и тебѣ можно, по примѣру двухъ ста ршихъ бра тьевъ, взять жену. — Поручикъ обождетъ еще, онъ совсѣмъ глупъ, та къ тебѣ будетъ женой бра тнина невѣста я, за нее выпла тилъ почти весь ка лымъ; — я же ста ръ, отжива ювѣкъ свой; будете меня кормить. Поручикъ посидитъ еще со мною, ста рый да ма лый

товарищи — и я подъ старостью глупѣю, 60 лѣтъ прошло, умъ на задъ пошелъ. Сыграемъ двѣсвадьбы вмѣстѣ».

Майнаразсмѣяла сьсквозь слезы и на крылагла зарукавомъ чапанаМ;а іоръ пожимался въ обѣ стороны отъ поздравительныхъ ударовъ руками по плечамъ, Куцый, понявъ на конецъ въ чемъ дѣло, также поздравлялъ соперникаегосъ какою-то огромной, угловатой улыбкой недоумѣнія, а когда все собравшіеся на ноги, чтобы кончить и за крытымъ присутствіе, Куцый опять поднялъ вверхъ обѣ руки, закричалъ, встряхнувшись всѣмъ тѣломъ: *токта*! постойте! сталъ въ дверяхъ и объявилъ, что никого не выпуститъ, доколѣ не дастъ волиязыку его. Рѣчь его на этотъ разъ была коротка, онъ спросилъ только съ изумленіемъ, которое рисовалось на всемъ пространномъ лицаего, отъ бороды до бровей: «Развѣ-де меня вовсе за быть хотите, развѣ меня не жените? Такъ мнѣ что скажутъ земляки мои, когда дойдетъ до нихъ вѣсть, что я ушелъ съ невѣстой, а живу холостымъ? Не погубите меня, мнѣ будетъ

стыдно!» Послѣднее выраженіе Куцый подслушалъ у Майны и пола галъ, вчей по справедливости можетъ его примѣнить также къ себѣ.

Послѣ общаго смѣху, гдѣ всѣ кричали въ голосъ и давали Куцому разные совѣты, утѣшая его, Саклабодинъ дѣйствительно его утѣшилъ: «За вѣрную службу твою», сказалъ онъ, «что привелъ ты ко мнѣ Майну, укралъ котелъ и баранай, тебѣ въ байгуша хъна* йду дешевую невѣсту; а свадьбу твою отпразднуемъ вмѣстѣ со свадьбой моихъ сыновей».

— Баш!баш! — кричалъ любрадованный Куцый, и клонялся ниже пояса, между тѣмъ какъ шумная толпа толкала его и колотила по спинѣ и плечамъ. «Спасибо! послужился такимъ Куцый до чести и свадьбу его отпразднуютъ со скачкой, съ борьбой, съ кумызомъ и съ баранинной!»

Въ день свадьбы, Майна сидѣла въ особой кибиткѣ, между дѣвками; лицо у ней за вѣшено было алымъ шелковымъ платкомъ; коса распущена и за плетена во множество

*) Å‡È„Û¯˙, Ó·˙‰Ì˙, ¯≠È, Ô˙¯≠È Í‡ÈÒ‡Í˙, ÌË˘≠È.

мелкихъ косичекъ. Дѣвки пѣли, всѣ въ одинъ голосъ:

«Нѣтъ на пѣвавъ русской пѣснѣ, ка къ нѣтъ на пѣвавъ пѣснѣ вешней кукушки; а есть на пѣвъвъ той пѣснѣ, которую поютъ дѣти кочевой орды, дѣвки кра сныя, когда отда ютъ сестрѣ мужъ; поютъ ка къ лебедь, у котора гнѣ беркутъ унесъ лебеденка сѣра го, поютъ ка къ клекчетъ орелъ, подыма яотъ земли жеребенка».

И Ма й на сидѣла посреди э той пестрой толпы подругъ, поющихъ тоскливыя, жа лобныя пѣсни; за вѣшенна пла ткомъ, она, ка за лось, са мо госкова ла пла ка ла о; по времена мъ отводилъ па лець кра й пла точка и быстрый, черный гла зокъ, изоблича ющій рѣзвую улыбку, выглядыва лъ изъ – подъ покрыва ла. Ма іоръ сидѣлъ въ э то время въ отдѣльной, кругомъ за крытой кибиткѣ, и не выка зыва лоя туда во весь день; изрѣдка только за глядыва ли нему това рищи. Онъ не вида лъ ни борьбы, ни ска чки, а слыша лъ только изда лека шумный споръ, чья лоша дь пришла первою, потому – что ска куновъ провожа ла густа я толпа выѣхавъ внихъ

на встрѣчу всадниковъ, и окруживъ и спутавшихъ, примчалась вмѣстѣ съ ними и не давалась зсмотрѣть въ точности на чьей сторонѣ была правда, всякъ отставалъ своихъ. Пиръ длился три сутки.

Вмѣстѣ съ Маіоромъ сидѣли брата его, Капитанъ, исчастливый Курыдъ, также считалъ обязанностію стыдиться и не выходить никуда. Рядомъ съ Майной сидѣла будущая невѣстка ея, Хамиль, также подъ покровомъ; а по другую руку еще и третія невѣста, дешевая, какъ выразился объ ней Сакалбавій, чужомъ чапанѣ, потому что у нея своего не было. Родители ея не думали отправдновать когда нибудь свадьбу дочери своей такъ великолѣпно, и не малоэтимъ хвастались и гордились.

В. ДАЛЬ